

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2023

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Педагогические науки

5.8.2. Теория и методика обучения
и воспитания

Филологические науки

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

5.12.3. Междисциплинарные исследования
языка

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

1.2023

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Анастасия Алексеевна Герасимова – ведущий специалист лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного педагогического университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Павел Валерьевич Гращенков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Алексей Александрович Коренев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Anastasia A. Gerasimova – lead specialist at the Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State Pedagogical University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

ЛИНГВИСТИКА

С.А. Кузнецов

Проза Николая Чергинца:
количественный стилистический анализ
и проблема авторства 9

А.Ю. Урманчиева

Модели функциональной адаптации
заимствованного из русского языка
союза *и* в селькупских диалектах 31

И.А. Шипова

Модальные глаголы как средство выразительности
в художественном тексте (на материале романа
«Качели дыхания» Г. Мюллер) 58

МЕТОДИКА

Н.Л. Орешкова

Современные методы и приемы запоминания
китайских иероглифов. 77

А.И. Щедромирская

Коммуникативные стратегии
гендерной сбалансированности как аспект
профессионально-коммуникативной компетенции
учителя и преподавателя английского языка 94

Contents

LINGUISTICS

S. Kuzniatsou

Nikolai Cherginets' prose:
A quantitative stylistic analysis
and the problem of authorship 9

A. Urmanchieva

Functional adaptation models loaned
from the Russian conjunction *i* ('and')
in Selkup dialects 31

I. Shipova

Modal verbs as a means of expression in a literary text
(based on the novel "Atemschaukel"
("The Swing of Breathing") by H. Müller). 58

TEACHING THEORY

N. Oreshkova

Popularity and effectiveness of modern ways
of memorizing Chinese characters 77

A. Shchedromirskia

Communicative strategies for gender balance
as an aspect of professional communicative competence
of an English language teacher 94

УДК: 808.1+81'32

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-9-30

С.А. Кузнецов

Независимый исследователь,
220050 г. Минск, Республика Беларусь

Проза Николая Чергинца: количественный стилистический анализ и проблема авторства

Прозаик Н.И. Чергинец – первый русскоязычный автор, удостоенный звания народного писателя Беларуси. В статье показано, что по ряду статистических параметров языка романы Чергинца «Рискованная игра», «Русская красавица», «Последний герой» существенно отличаются от других его произведений и различаются между собой. Более подробный анализ лексики этих текстов, реалий и персонажей, упоминаемых в них, выявляет сходства (которые нельзя объяснить простым совпадением) с романами коллективного псевдонима Андрей Воронин. Обосновывается тезис, что в трех вышеуказанных книгах, опубликованных под именем Н.И. Чергинца, основная часть текста написана авторами псевдонима Андрей Воронин.

Ключевые слова: стилеметрия, определение авторства, язык художественной литературы, Н.И. Чергинец

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецов С.А. Проза Николая Чергинца: количественный стилистический анализ и проблема авторства // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 9–30. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-9-30

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-9-30

S. Kuzniatsou

Independent researcher,
Minsk, 220050, Republic of Belarus

Nikolai Cherginets' prose: A quantitative stylistic analysis and the problem of authorship

Nikolai Cherginets, a Belarusian author of prose fiction, was recently honored as People's Writer of Belarus (2022), thus becoming the first holder of this title whose books are written in Russian. The quantitative linguistic analysis reveals that Cherginets' novels "Riskovannaya igra" (*A risky game*), "Russkaya krasavitsa" (*A Russian beauty*), "Poslednii geroi" (*The last hero*) significantly differ from his other oeuvres and from each other. Linguistic and narrative similarities, improbable to arise by chance, are found between these novels and the creative output of Andrei Voronin, a collective pen name. We argue that the three books, released under the name of Cherginets, were in fact authored chiefly by the creators of Andrei Voronin.

Key words: stylometry, authorship attribution, language of fiction, Nikolai Cherginets

FOR CITATION: Kuzniatsou S. Nikolai Cherginets' prose: A quantitative stylistic analysis and the problem of authorship. *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 9–30. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-9-30

1. Вводные замечания

Николай Иванович Чергинец (род. в 1937 г.) – белорусский писатель, общественный деятель. В 1964–1993 гг. служил в милиции, участник боевых действий в Афганистане, вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта. В 1996–2008 гг. входил в состав парламента Беларуси. Литературную деятельность начал в 1970-е гг., пишет на русском языке, публикуется в жанре детектива, остросюжетного приключенческого романа. С 1977 г. член Союза писателей БССР, с 2005 г. до марта 2022 г. возглавлял официальный Союз писателей Беларуси.

В июне 2022 г. Чергинцу было присвоено звание народного писателя Беларуси. Он стал десятым по счету обладателем этого почетного звания за всю историю и первым после долгого перерыва (с 1995 г.), а также первым русскоязычным автором среди народных писателей Беларуси. Все это дает исследователю повод внимательнее взглянуть на литературную продукцию Чергинца. До сих пор его прозе, насколько нам известно, не было посвящено отдельных филологических работ: есть только литературно-критические статьи, такие как [Мartiнович, 2012], и словарь эпитетов [Бесперстых, 2017], составленный на материале одного из романов.

С 1973 г. до настоящего времени Чергинец выпустил несколько десятков книг художественной прозы. Даже при беглом ознакомлении с этими текстами бросается в глаза их стилистическая разнородность, непривычная для жанровой литературы. Сравним, например, два описания взрыва – в романе «Майор Ветров» (2007) и в романе «Русская красавица» (2001):

Через секунду ночную темень распорол яркие вспышки, тишину всколыхнул мощный взрыв. В воздух взлетели палатки и находившиеся в них террористы. Выждав, пока прекратят падать осколки скал, комья земли, все вышли из укрытия и стали осматривать то, что осталось от стоянки. («Майор Ветров»)

Взрыв был жутким, неправдоподобным, словно вырезанным из сериала о гангстерских разборках. Воздух вздрогнул от грохота и жара, как испуганная лошадь. Матвей внезапно оглох, и ему казалось, что вздувшийся пузырь белого пламени растет и ширится в мрачном, угрожающем молчании. («Русская красавица»)

Второй отрывок, в отличие от первого, богат образными сравнениями, передающими субъективные впечатления персонажа. И вообще «Майор Ветров» написан скупым и точным, как бы протокольным стилем, а в «Русской красавице» много отступлений от сюжета, диалогов на философские темы, присутствуют элементы языковой игры, например:

«Великолепие великосветского времяпрепровождения всегда восхищало венценосца весельем венского вальса». Странная буква «В». Очень изысканная и деликатная. <...> А еще это очень бесовская буква: вакханалия, великаны, вампиры, ведьмы, водяницы, вой, всхлипы, визг, вопли... И вечность. В букве «В» собрана вся ночь.

Хотелось бы понять: единичная ли это аномалия, или в самом деле Чергинец демонстрирует в своем творчестве разные стилевые манеры, настолько несхожие и неравнозначные по художественному уровню?

Цель нашей статьи – дать количественную характеристику стилового разнообразия прозы Чергинца и прояснить истоки такого разнообразия. Статья построена следующим образом. В разделе 2 тексты Чергинца сравниваются по статистическим параметрам языка, идентифицируются тексты, не похожие на остальные. В разделе 3 описаны особенности языка и стиля этих произведений, выделяющихся из общего ряда. Между ними и романами коллективного псевдонима Андрей Воронин выявлено несколько параллелей, которые обсуждаются в разделе 4. Вопрос об участии авторов псевдонима Андрей Воронин в написании книг, вышедших под именем Н.И. Чергинца, ставится в заключительном разделе.

2. Количественный анализ языка произведений Чергинца

В электронном виде нам удалось найти 16 романов и повестей Чергинца: «Следствие продолжается» (1977), «Финал Краба» (1979), «Служба – дни и ночи» (сборник повестей, 1981), «Вам – задание» (1982), «За секунду до выстрела» (1983), «Приказ № 1» (1985), «Сыновья» (1989), «Илоты безумия» (1995), «Тайна Овального кабинета» (2001), «Русская красавица» (2001), «Последний герой» (2003), «Русское братство» (2004), «Выстрел в прошлое» (2006), «Майор Ветров» (2007), «Рискованная игра» (2009), «А он не вернулся из боя» (2021).

Подвергнуть сплошную выборку текстов Чергинца статистическому анализу по такой, например, характеристике, как образность, не представляется возможным: это понятие трудно формализовать [Мезенин, 1983, с. 56; Юрина, 2005, с. 28–29], и пока еще нет в открытом доступе компьютерных инструментов для измерения образности текстов на русском языке. В нашей работе для выявления различий в языке и стиле текстов Чергинца используются более простые количественные методы¹.

Произведения Чергинца, доступные в электронном виде, были разбиты на предложения с помощью утилиты `rusenttokenize`² и подвергнуты морфологическому анализу с помощью нейросетевой модели из библиотеки DeepPavlov [Burtsev et al., 2018] на основе BERT [Devlin et al., 2018]. Таким образом, каждая книга представляется списком предложений, а каждое предложение – списком четверок вида: токен, лемма (начальная форма), частеречный тег, набор грамматических характеристик. Статистическая обработка этих данных состоит из следующих шагов.

¹ Процедуру, описываемую далее в этом разделе, можно полностью воспроизвести с помощью Jupyter-блокнота, доступного по ссылке: <https://gist.github.com/7ab901a7933419b5/70c9965a63adb02eba840c9e36ac15f6>

² URL: <https://pypi.org/project/rusenttokenize> (дата обращения: 18.08.2022).

I. Выберем параметр и для каждой книги построим распределение абсолютных частот его значений. Например: параметр – часть речи, его значения – всевозможные частеречные теги.

II. Суммированием по всем книгам получим распределение абсолютных частот значений выбранного параметра в полном корпусе исследуемых текстов.

III. Для каждой книги вычтем соответствующее ей распределение p из суммарного и получим распределение $\bar{p}$, которым характеризуется совокупность всех остальных книг.

IV. Чтобы превратить p и $\bar{p}$ в дискретные распределения вероятностей, разделим частоты на объемы соответствующих выборок, например, на количества токенов (соответственно, в одной книге и во всех остальных книгах).

V. Измерим расстояние между распределениями p и $\bar{p}$. Для этого часто используют дивергенцию Кульбака–Лейблера [Kullback, Leibler, 1951], которая для двух дискретных распределений $u = (u_1, \dots, u_n)$ и $v = (v_1, \dots, v_n)$ вычисляется как

$$KL(u, v) = \sum_{i=1}^n u_i \log \frac{u_i}{v_i}.$$

Эта функция расстояния не является симметричной, т.е. в общем случае $KL(u, v) \neq KL(v, u)$, и не ограничена по абсолютной величине, т.к. если хотя бы одна вероятность v_i равна нулю, а соответствующая вероятность u_i ненулевая (в нашем примере: если какая-нибудь часть речи встречается лишь в одной из книг), то логарифм отношения u_i/v_i устремится к бесконечности. На основе дивергенции Кульбака–Лейблера определена симметричная, ограниченная функция расстояния – дивергенция Йенсена–Шеннона [Lin, 1991]. Вслед за [Lu et al., 2020] мы используем невзвешенный вариант этой функции, который для распределений p и $\bar{p}$ вычисляется как

$$JS(p, \bar{p}) = \frac{1}{2} \left(KL\left(p, \frac{p + \bar{p}}{2}\right) + KL\left(\bar{p}, \frac{p + \bar{p}}{2}\right) \right).$$

VI. Чем больше расстояние $JS(p, \bar{p})$, тем, соответственно, меньше похожи по выбранному параметру данная книга и совокупность всех остальных книг.

Сравнение проводилось по семи параметрам.

1. Высокоупотребительная лексика. Значения – 100 лемм, наиболее частых в русских художественных текстах по данным словаря [Ляшевская, Шаров, 2009]: предлоги (*в, на, с, к...*), союзы (*и, а, но, что...*),

частицы (*не, же, бы, только...*), существительные (*человек, рука, время, глаз...*) и местоимения-существительные (*я, себя, кто, что-то...*), местоимения-прилагательные (*этот, свой, весь, который...*), числительное *два*, глаголы (*быть, сказать, мочь, знать...*), наречия (*еще, уже, очень, сейчас...*) и местоименные наречия (*там, тут, где, когда...*), предикативы *надо, нет*. Выборка – все токены с этими леммами.

2. Части речи. Значения – 17 частеречных тегов, используемых в проекте Universal Dependencies [Nivre et al., 2016, p. 1661], на данных которого обучен морфологический анализатор DeepPavlov: существительное нарицательное (NOUN) или собственное (PROPN), прилагательное, включая порядковые числительные (ADJ), количественное числительное (NUM), местоимение-существительное (PRON), местоимение-прилагательное (DET), наречие (ADV), глагол *быть* (AUX), другой глагол, включая особые формы (VERB), союз сочинительный (CCONJ) или подчинительный (SCONJ), предлог (ADP), частица (PART), междометие (INTJ), символ (SYM), знак препинания (PUNCT), прочее (X). Выборка – все токены.

3. Грамматические формы нарицательных имен существительных. Значения – 12 падежно-числовых форм. Выборка – все токены с частеречным тегом NOUN.

4. Грамматические формы глаголов. Значения – 10 форм: инфинитив, повелительное наклонение, три формы времени изъявительного наклонения (условное наклонение учитывается вместе с прошедшим временем), четыре формы причастий по залогу и времени, деепричастие. Выборка – все токены с частеречным тегом VERB или AUX.

5. Семантические классы лексики. Значения – семейства семантических категорий верхнего уровня, которые теггер USAS [Мудрая и др., 2006] присваивает русским словам. Всего имеется 21 категория верхнего уровня: А ‘общие и абстрактные термины’, В ‘тело и индивид’, С ‘искусства и ремесла’ и так далее. Не считая собственных имен и многословных выражений, база данных теггера USAS содержит около 13 тыс. русских лексических единиц, покрывающих свыше 70% объема текста. Каждой из этих единиц сопоставляется одна или несколько категорий верхнего уровня, например: *библиотека* → Н ‘архитектура, жилье и дом’, Q ‘язык и коммуникация’. Единицам, начальные формы которых отсутствуют в базе данных, а также собственным именам присваиваются служебные категории. Выборка – все токены, кроме знаков препинания.

6. Длина предложения. Значения – количества токенов в предложениях, причем знаки препинания считаются за отдельные токены. Выборка – все предложения.

7. Знаки препинания. Значения – всевозможные знаки препинания. Выборка – все токены, которым сопоставлен частеречный тег PUNCT.

Хотя сама методика количественного стилистического анализа не является основным предметом нашей статьи, все же необходимо пояснить, в чем отличие предлагаемого метода от других подходов, описанных в литературе, например, от широко известного коэффициента Delta Дж. Бёрроуза [Burrows, 2002] и его современных вариантов [Evert et al., 2017], а также от метода идиостилевых профилей [Михеев, Эрлих, 2018]. И Delta, и идиостилевые профили основаны на частотах высокоупотребительных единиц: своеобразие текста (или группы текстов одного автора) характеризуется через отклонения частот от средних по большой коллекции текстов. Высокочастотные, особенно служебные слова и выражения – маркеры авторского узуса, как было замечено еще в [Морозов, 1915, с. 94–95] и [Mosteller, Wallace, 1963, p. 280, 304], ведь их употребление до известной степени автоматически и плохо поддается сознательному контролю. Наряду с этим, в основу количественной характеристики стиля могут быть положены и другие типы признаков, такие как распределение длин предложений [Yule, 1939] или частоты падежей [Никонов, 1959], подробнее об этом см. обзор [Stamatatos, 2009, p. 540–544]. В нашем анализе один и тот же статистический инструмент, дивергенция Йенсена–Шеннона, применяется не только к высокоупотребительной лексике (первый параметр), но и к грамматическим, семантическим и другим параметрам языка. Таким образом, по нашему первому параметру результаты будут сопоставимы с тем, что дает коэффициент Delta³, а дополнительные параметры призваны повысить надежность метода. Когда речь идет о корпусе достаточно длинных жанрово однородных прозаических текстов, написанных одним автором, можно ожидать, что распределение значений каждого параметра (а не только частот высокочастотной лексики) приобретет устойчивый вид, отклонения от которого в отдельных текстах могут свидетельствовать, например, о творческом эксперименте, эволюции стиля, глубоком вмешательстве редактора или соавтора⁴.

³ Но менее наглядны. Коэффициентом Delta сравнивается каждая пара текстов, и полученную матрицу попарных расстояний можно кластеризовать и представить дендрограммой. У нас каждый текст сравнивается с совокупностью всех остальных, и полученный список расстояний можно только отранжировать.

⁴ Следуя пожеланию рецензента, мы также убедились, что тексты разных авторов могут быть надежно разграничены по количественным параметрам языка, используемым в работе (для сравнения были взяты детективные романы Д.А. Корецкого и А. Марининой). Воспроизвести этот эксперимент можно с помощью Jupyter-блокнота, доступного по ссылке: <https://gist.github.com/7ab901a7933419b5/9a0d05d58557c826ec468a784d31e774>

В табл. 1 для каждой книги и каждого параметра, обозначаемого номером $i = 1...7$ из вышеприведенной нумерации, указан ранг r_i по убыванию расстояния между данной книгой и совокупностью всех остальных. Различия рангов подсвечены цветом фона: меньшему рангу соответствует более светлый фон. В последнем столбце указана сумма рангов. Чем меньше сумма рангов, тем сильнее данная книга отличается от остальных по всей совокупности параметров.

Для сравнения покажем, каким образом коэффициент Delta, вычисленный с помощью пакета stylo [Eder et al., 2016], кластеризует тексты Чергинца (рис. 1).

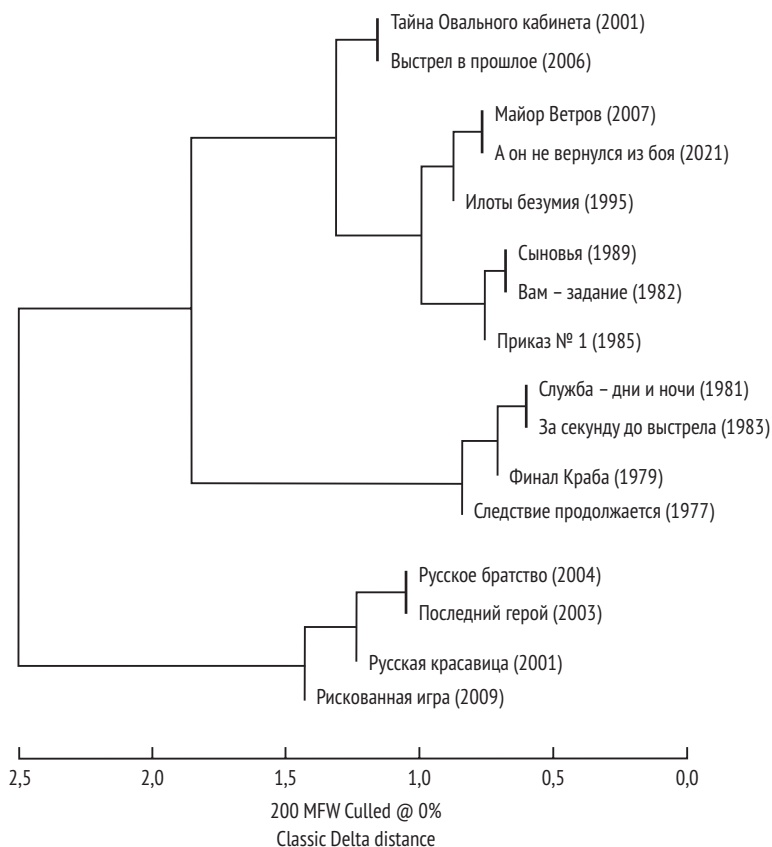

Рис. 1. Иерархическая кластеризация произведений Н.И. Чергинца по коэффициенту Delta

Fig. 1. Hierarchical clustering of Nikolai Cherginets' books using Burrows' Delta measure

Таблица 1

**Характеристика произведений Н.И. Чергинца
по количественным параметрам языка
[Quantitative linguistic characteristics of Nikolai Cherginets' books]**

Название [Title]	Год [Year]	r_1	r_2	r_3	r_4	r_5	r_6	r_7	Σr_i
Следствие продолжается [The investigation continues]	1977	7	4	5	12	7	3	8	46
Финал Краба [Crab's endgame]	1979	9	5	2	11	5	1	7	40
Служба – дни и ночи [Service, day and night]	1981	15	10	7	13	11	16	10	82
Вам – задание [Here is a mission for you]	1982	10	7	11	7	6	15	9	65
За секунду до выстрела [A second before the shot]	1983	14	9	9	9	15	11	15	82
Приказ № 1 [Order No. 1]	1985	16	15	14	10	10	14	12	91
Сыновья [Sons]	1989	13	16	8	15	9	10	16	87
Илоты безумия [Helots of madness]	1995	6	14	10	3	16	12	14	75
Тайна Овального кабинета [A mystery of the Oval Office]	2001	5	2	6	2	3	5	13	36
Русская красавица [A Russian beauty]	2001	2	3	4	6	1	4	1	21
Последний герой [The last hero]	2003	3	6	3	4	4	6	3	29
Русское братство [Russian brotherhood]	2004	4	8	12	5	8	9	4	50
Выстрел в прошлое [A shot in the past]	2006	8	11	16	14	14	8	5	76
Майор Ветров [Major Vetrov]	2007	11	13	15	8	13	13	11	84
Рискованная игра [A risky game]	2009	1	1	1	1	2	2	2	10
А он не вернулся из боя [But he didn't return from the battle]	2021	12	12	13	16	12	7	6	78

Note. Distributions of seven parameters are analyzed: 1) top 100 most frequent words; 2) parts of speech; 3) grammatical forms of common nouns; 4) grammatical forms of verbs; 5) high-level semantic classes; 6) sentence length; 7) punctuation marks (for more details see p. 13–15). For each parameter $i = 1 \dots 7$, the books are ranked by decreasing Jensen–Shannon divergence between the distribution representing one book and the distribution representing all the rest. Lighter background color corresponds to lower rank r_i . The sum of ranks in the last column is an aggregate measure of how strongly each book differs from the others: smaller is stronger.

Как видно из таблицы, особенно выделяется на фоне других произведений Чергинца роман «Рискованная игра» (сумма рангов 10), в меньшей степени – романы «Русская красавица» (21) и «Последний герой» (29). В отдельности по первому параметру, r_1 , лидируют те же самые три книги в том же порядке. Коэффициент Delta объединяет эти книги вместе с романом «Русское братство» ($r_1 = 4$) в кластер, противопоставленный всем остальным книгам, среди которых, в свою очередь, обособлена группа ранних повестей и романов. Поскольку «Русское братство» не так сильно выделяется по остальным измеренным нами параметрам, далее мы будем рассматривать языковые особенности трех книг: «Рискованная игра», «Русская красавица», «Последний герой».

3. Языковые особенности отличающихся текстов

Прежде всего, обратим внимание на частоты лексических единиц. Случаи, когда лексическая единица встречается только или преимущественно в одной из книг Чергинца, обычно мотивированы сюжетом или тематикой произведения. Например, только в повести «Финал Краба» встречаются слова *фотообъектив* (11 вхождений), *заводоуправление* (7), *геолог* (6), и это связано с сюжетом: главный герой, преступник-рецидивист, крадет документы у *геолога* и совершает кражу в здании *заводоуправления*, используя потайной фонарь с *фотообъективом*. Только в романе «А он не вернулся из боя», действие которого происходит в юго-восточной Африке на руднике, есть *саванна* (62), *лев* 'хищное млекопитающее'⁵ (63), *жираф* (18), *бунгало* (14), *прииск* (36), *старатель* (9). Только в романе «Приказ № 1», действие которого происходит в 1916–1917 гг., есть *меньшевик* (58), *эсер* (35), *охранка* (34), *жандармерия* (17), *буржуазия* (12) и т. д.

В отличие от этих случаев, частотные особенности лексики «Рискованной игры» выглядят не связанными с сюжетом и тематикой. Вот несколько примеров.

Часто, на фоне других книг Чергинца, используются прилагательные, характеризующие цвет волос, кожи и прочие особенности внешности персонажей: главный герой – *седовласый* мужчина (103 вхождения в «Рискованной игре» / 6 вхождений суммарно во всех остальных книгах), среди других персонажей есть *рыжеволосые* (26/12), *смуглолицые* (11/1), *чернявые* (10/4), *узкоглазые* (8/1), с *кудлатой* (8/0) и *яйцеобразной* (6/0) головой, с *заячьей губой* (4/0).

Часто используются качественные наречия: *пренебрежительно* (19/3), *убежденно* (6/1), *укоризненно* (11/3), *покорно* (13/5), *протяжно* (22/9),

⁵ В других книгах есть *лев* 'скульптурное изображение' и переносное *дрался как лев*.

недовольно (83/37) и т.п. В «Рискованной игре» вообще высоки доли прилагательных и наречий: суммарно 13,2% токенов, а в среднем по остальным книгам – 10,9% токенов.

Названия некоторых телодвижений: *потереть мочку уха* (5), *оттопырить нижнюю губу* (4), *потрепать по плечу кого-л.* (4), *прищелкнуть языком* (2) – есть только в «Рискованной игре». Жест пожатия плечами упоминается в большинстве книг Чергинца, но только в «Рискованной игре» описания этого жеста сочетаются с характеристикой внешности персонажей: *безразлично пожал крепкими плечами; неуверенно пожал покатыми плечами; равнодушно пожала плечиками; нервно дернула плечиком* и т.п.

Существительное *визави* (8) есть только в «Рискованной игре», причем в однотипных контекстах: *Беспалов пристально и даже вызывающе посмотрел в глаза своего визави; Генерал прямо посмотрел в глаза своего сомневающегося визави; Бизнесмен заинтересованно посмотрел на своего визави* и т.п. Более высокочастотное существительное *собеседник* есть во всех рассматриваемых книгах Чергинца.

Существительное *скакун* (5) есть только в «Рискованной игре», и всегда в переносном значении ‘автомобиль’: *Давно мечтал сесть за руль такого скакуна; [Полковник] неоднократно жаловался на технические проблемы своего боевого скакуна; – Что-то много овсаты, мой скакун, стал потреблять, – обвинил машину водитель.* Метафорический перенос ‘автомобиль – это лошадь’ охватывает в «Рискованной игре» целую группу лексики: *лошадка... дожидается в стойле; Они ранили моего боевого коня; Хочешь увести моего рысака?; Ладно, жокей, садись, поедем* и т.п.

При передаче телефонного разговора в «Рискованной игре» используется слово *аллэ* (2 вхождения в речи разных персонажей), но не *алло*, а в остальных текстах – всегда только *алло* (25 вхождений в 10 книгах).

Романы «Русская красавица» и «Последний герой» не имеют столь же ярких лексико-статистических аномалий. Но зато в них, как и в «Рискованной игре», ослаблены характерные частотные особенности лексики, присущие остальным тринадцати рассматриваемым книгам, которые мы здесь и далее будем называть основным корпусом произведений Чергинца.

Многие лексические единицы, связанные по смыслу с деятельностью силовых структур, высокочастотны только в основном корпусе: *заявление* (4 вхождения суммарно в «Рискованной игре», «Русской красавице», «Последнем герое» / 134 вхождения суммарно в основном корпусе), *приказ* (7/384), *проверка* (7/142), *инструктаж* (0/68); *осмотреть* (9/222), *установить* (15/367), *засечь* (1/66), *задержать* (8/287),

арестовать (1/113), *доставить* (10/317), *допросить* (0/75), *доложить* (7/349) и т.п.

В отличие от основного корпуса произведений Чергинца, в трех выделяющихся книгах реже фигурируют лексические обозначения точных количеств, точных ориентиров в пространстве и времени: собирательные числительные от *двое* до *десятеро* (суммарно 53/1274), названия сторон света *север*, *юг*, *запад*, *восток* (суммарно 1/207), названия дней недели от *понедельник* до *воскресенье* (суммарно 7/160), наречия пространственной ориентации *вперед* (15/321), *сзади* (9/176), *слева* (8/138), *справа* (6/113), наречия времени *позавчера* (2/41), *послезавтра* (1/59).

Только в основном корпусе высокочастотны некоторые канцеляризмы, например, глагол *проживать* ‘жить по определенному адресу’ (5/208). Официально-деловое *проживать* часто используется вместо стилистически нейтрального *жить*: *До войны я тоже проживал на Сторожовке* («За секунду до выстрела»); *Вы свободный человек, можете проживать где хотите* («Сыновья»); *Так что, за полтора доллара я могу проживать, завтракать и ужинать?* («А он не вернулся из боя»).

Только в основном корпусе высокочастотны неопределенные местоимения и местоименные наречия на *-либо* (15/365). Различаются соотношения частот слов на *-либо* и *-нибудь*:

- в трех выделяющихся книгах *-либо* – 15, *-нибудь* – 147 (≈0,10);
- в основном корпусе *-либо* – 365, *-нибудь* – 782 (≈0,47).

Чергинец нередко употребляет *-либо* вместо ожидаемого *-нибудь*, говоря о ситуациях, отнесенных к плану будущего [Падучева, 1985, с. 216, 219]: *Попытаемся мы что-либо предпринять* («Приказ № 1»); *Попроси лучшие кого-либо из ребят, пусть помогут* («Сыновья»); *Прокурор Гордон пытается получить от ФБР хоть какие-либо подтверждения* («Тайна Овального кабинета»); *Если удастся захватить хоть кого-либо из руководителей банды, то мы сможем узнать, где Хаким* («Майор Ветров»).

Только в основном корпусе есть характерная для Чергинца фраза *ма до сего времени* (19 вхождений в 8 книгах). В «Русской красавице» и «Последнем герое» встречается близкая по смыслу стилистически нейтральная фраза *до сих пор*.

Отличия «Рискованной игры», «Русской красавицы», «Последнего героя» от основного корпуса произведений Чергинца не ограничиваются только частотами слов, есть и лексико-семантические особенности, например, следующие:

- *кольца дыма* или *колечки дыма* упоминаются в «Рискованной игре» (5) и «Русской красавице» (3), когда персонажи курят; в основном

корпусе находим лишь один контекст с этим лексическим значением слова *кольцо*, в романе «Выстрел в прошлое». Зато значение *кольцо* ‘то, что образует круг или располагается в виде замкнутой линии’ есть только в основном корпусе (18 контекстов в 7 книгах): оба *отряда замкнули кольцо; образуйте вокруг меня плотное кольцо; после выхода из вражеского кольца* и т.п.;

- в «Рискованной игре» чрезвычайно разнообразен выбор глаголов с переносным значением речевого действия. Реализовано большинство метафорических моделей, описанных в [Кириллова, 2006, с. 142]: речь концептуализуется как манипулирование предметом (*бросить, парировать*), как физическое воздействие (*подковырнуть, обрубить, отчеканить*), как движение жидкости (*вскипеть, процедить, выдавить*), как звук, издаваемый животным или механизмом (*заурчать, проскрежетать*). По количеству и разнообразию метафорических глаголов речи остальные книги заметно уступают «Рискованной игре».

«Рискованная игра» и особенно «Русская красавица» богаты фразеологизмами, паремиями, интертекстуальными отсылками. В обоих романах встречаем выражения со словом *подноготная* (*скрывать, рассказать, выложить, выкладывать* чью-л. *подноготную*), которые во всех остальных текстах отсутствуют. Только в «Рискованной игре» есть выражения *страж порядка* (7), *зеленый змий* (6), *троянский конь* (4), *Богу Богово, а кесарю кесарево* (4). В «Русской красавице» устойчивые выражения часто варьируются и трансформируются: *на безрыбье и водолаз – рыба; без причины даже раки не свистят; страна пророков, которым нет места в стране; понимаю, что ничего не понимаю* и т.п. Там же есть развернутые аллюзии на хрестоматийные русские тексты: *Тожже считает, что дорвалась до сыра, и, чтобы его зацтитить, сидит в одиночестве на самом высоком дереве. С такой высоты все внизу кажутся лисами, которые так и норуют отобрать посланное Богом лакомство; Дмитрий Степанович оказался на редкость полным человеком, румянцем и сложением похожим на колобка из известной сказки. <...> Создавалось впечатление, что он составляет детальный план ухода от бабушки и от дедушки.*

Автор «Русской красавицы» демонстрирует широкую литературную эрудицию: *Нет, этого просто не может быть, потому что не может быть никогда; Не то чтобы эта зажигалка была очень ценной. Но мне она дорога как память; А здорово было придумано: сеанс черной магии и ее разоблачение!; Странные дела творятся в датском королевстве; Весь наш мир – огромная тюрьма. Гамлет был прав; Профессиональный фотограф, как Фауст, пытается остановить прекрасное мгновение; Слово граф Монте-Кристо, брошенный в мешке у крепостных стен*

замка Иф; Напоминает историю доктора Джекила и мистера Хайда и т.п. В «Русской красавице» множество прецедентных имен, отсылающих к античности (Афина, Немезида, Морфей), библейским сюжетам (Адам и Ева, Лотова жена, Моисей, Иисус), к истории науки (Колумб, Галилей, Дарвин, Миклухо-Маклай), философской мысли (Лао-цзы, святой Августин) и художественной литературы (Шекспир, Пушкин, Достоевский, Уайльд, Гессе). В «Рискованной игре» тоже немало цитат и аллюзий: *Слухи о моей кончине преждевременны и слишком преувеличены; Благодарю, господа, однако я за рулем... такие дозы мой Боливар не выдержит!*; *Как говорится, покой нам только снится* и т.п. Упоминаются или цитируются Пушкин, Достоевский, Чехов, Булгаков, Мопассан, Хемингуэй и другие авторы. Только в «Русской красавице», в отличие от «Рискованной игры» и всех остальных книг, устойчивая сочетаемость лексики становится поводом для метаязыковой рефлексии персонажей: *Шарм?! Любовные утехы?! Господи, где ты слов-то таких нахваталась?*; *Ты уже заговорила штампами! Сейчас ты предложишь брать на понт и шить дело; Толстая, противная, жуткая и... У меня эпитетов не хватает.* – *Ужасающая,* – подсказал Матвей, – *свирепая, огромная, кровожадная.*

Еще одна особенность, выделяющая романы «Русская красавица», «Последний герой», «Рискованная игра» среди других произведений Чергинца, – это выбор места действия и уровень географической детализации, тщательность привязки текста к реально существующим местам. Чергинец много лет прожил в Минске, поэтому не удивительно, что его тексты содержат узнаваемые отсылки к географии Минска: *Минули Ботанический сад, парк, обсерваторию* («Следствие продолжается»); *Ребята вышли из ворот и двинулись по улице Немиге к вокзалу* («Сыновья»); *Наш дом на углу Горького и Типографской*⁶ («А он не вернулся из боя»). Но в трех романах, противопоставленных основному корпусу произведений Чергинца, действие происходит, по большей части, в Москве и ближнем Подмосковье, и трудно понять, почему во всех трех случаях автор настолько по-разному обращается с урбанистическим материалом:

- текст «Русской красавицы» полностью лишен ориентиров; ни одна улица или район, ни один узнаваемый городской объект Москвы не названы по имени;
- в «Последнем герое» демонстрируется подробное знание разных районов Москвы, например: *Отправляйся к станции метро «Октябрьское поле». Будь у перехода со стороны улицы Маршала Бирюзова*

⁶ Сейчас это улицы Богдановича и Сурганова.

(гл. 6); По Кибальчича и Ярославской Рубцов вырулил на проспект Мира и направился в сторону Енисейской. <...> Они оставили позади проспект Мира, Енисейскую и у станции метро «Бабушкинская» свернули на Ленскую (гл. 7); Он спустился вниз, сел за руль и выехал на улицу Волгина. На перекрестке с Островитянова автомобиль свернул налево. У станции метро «Коньково» Рубцов на Профсоюзной улице свернул направо (гл. 11); Прodelав по кольцевой дороге обратный путь от шоссе Энтузиастов до Волгоградского проспекта, Рубцов... миновал Жулебино, свернул на рязанскую дорогу и взял курс на Лыткарино (гл. 12);

- в «Рискованной игре» тоже много географических деталей, но преимущественно из центральной части Москвы: В мастерской художников на Колхозной, как по старой привычке именовала свою творческую крепость на проспекте Мира компания московской интеллигенции, ...было многолюдно (гл. 2); А, это многоэтажное здание возле Рижской (гл. 4); Одним словом, в районе спорткомплекса «Олимпийский» на проспекте Мира (гл. 9); Маленькое, но уютное кафе на Большой Бронной, неподалеку от особняка Герцена (гл. 11); Встретимся через час на Тверской у памятника Пушкину (гл. 16); Выставка авангардного искусства проходила... возле станции метро «Беговая» (гл. 17); Минут через двадцать бьюик уже медленно двигался в стае машин по Старой площади. На повороте в сторону Маросейки – затор (гл. 18); Место для встречи и получения денег на Савёловском вокзале было выбрано не случайно (гл. 25).

Итак, по особенностям языка и кругозора автора романы «Рискованная игра», «Русская красавица», «Последний герой» в самом деле не похожи на другие произведения Чергинца, а также и между собой. Чтобы выяснить, чем это обусловлено, и лучше понять место этих книг в современной русскоязычной беллетристике, попробуем найти параллели между ними и текстами других авторов.

4. Параллели с текстами других авторов

Обратим внимание на один из гапаксов «Рискованной игры»:

– Здравствуйте! – шумно **прогамзил** долгоязыый Почкин и расплылся в белоснежной улыбке.

Слово *гамзіць, гамзаць* в значении глагола речи встречается в северо-восточных белорусских диалектах: «ГАМЗАЦЬ, дз[ея]с[лоў] – в нос говорить, гугнивить. Не гамзі ты, а кажы выразна (Сянно, Сен[ненскі] р[аён])» [Касьпяровіч, 1927, с. 75]; «Гамзіць – казаць што-небудзь хворым, прастужаным голасам» [Аляхновіч, 2012, с. 123]. Одним из немногих авторов, использующих глагол *прагамзіць* в художественных текстах

на белорусском языке, был уроженец северо-востока Беларуси прозаик Михась Зарецкий: *Нейкая баба... прагамзіла з-пад пасінелага носа: – Панічок! Аб чым гэта пішацца... Га?; Лявон прагамзіў нешта няяснае пра «свабоду»* (М. Зарэцкі. Сцежкі-дарожкі. 1927). Если у автора, пишущего по-русски, в активном словарном запасе есть глагол *прогамзить*, то можно ожидать, что автор знаком с белорусскими диалектами или хорошо знает творчество классиков белорусской литературы, таких как М. Зарецкий. В книгах Чергинца, за исключением «Рискованной игры», нам не удалось обнаружить следов такого знакомства.

В Национальном корпусе русского языка⁷ и архивах «Живого журнала»⁸ нет ни одного вхождения глагола *прогамзить*. Поиск по большим электронным библиотекам с помощью сервисов Google Книги⁹ и FBSearch¹⁰ дает, кроме «Рискованной игры», следующие контексты:

– *Я у телефона, – недовольно прогамзил следовательно, дожидывая пишу* (Марина и Андрей Воронины. Ночной дозор. Умереть – непозволительная роскошь. Мн.: Современный литератор, 2003);

– *Все у тебя легко и просто, словно помочиться перед сном! – недовольно прогамзил Мал Малыч* (Ярослав Морозов. Ларин Пётр и Параллельный мир. Мн.: Современный литератор, 2006);

Макар Захарович Петюнин неуверенно пожал покатыми плечами и виновато прогамзил: – Да особо и времени не было, да и народ еще не подтянулся на работу (Андрей Воронин. Инструктор. Схватка с драконом. Мн.: Харвест, 2010).

Андрей Воронин – это коллективный псевдоним, под которым с середины 1990-х гг. группа белорусских писателей выпускает остросюжетную беллетристику на русском языке. Работой коллектива руководят владельцы издательской марки «Современный литератор» – братья Владимир и Мирослав Адамчики, которые под своими личными псевдонимами Адам Глобус и Міраслаў Шайбак активно публикуются также и по-белорусски. Мирослав Адамчик так рассказывает об истории псевдонима:

В 1996 году мы подписали контракт на Андрея Воронина с издательской группой АСТ... Андрей Воронин – это всего один из многих моих, Мирослава Адамчика, и брата Владимира Адамчика русских литературных псевдонимов. <...> В начале пути, когда Воронин превращался в сериальный проект, на первых шести-восьми романах нам помогали друзья-соратники по перу, но, жаль, теле-видеоиндустрия

⁷ URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 18.08.2022).

⁸ URL: <https://ljsear.ch> (дата обращения: 18.08.2022).

⁹ URL: <https://books.google.com> (дата обращения: 18.08.2022).

¹⁰ URL: <https://fbsearch.ru> (дата обращения: 18.08.2022).

навсегда проглотила наших друзей (<https://andrej-voronin.livejournal.com/744.html>, 14.09.2007).

Владимир Адамчик, отвечая на вопрос журналистки об авторстве книг Андрея Воронина, говорит:

Самое тяжелое – это создать героя, придумать его особенный мир, вдохнуть в него жизнь. И вот когда мы всё это разрабатывали, создавали стилистику, продумывали все детали – это было мучительно, страшно, грязно и ужасно. А потом за дело взялись исполнители, которые работали с нашим материалом (<https://tarasevich-olga.livejournal.com/93708.html>, 11.12.2009).

Можно предположить, что Ярослав Морозов, номинальный автор одного из контекстов с глаголом *прогамзить*, – литературный проект того же коллектива авторов.

Между текстами псевдонима Андрей Воронин и тремя книгами Чергинца, не похожими на остальные, есть и другие переклички.

В упомянутом романе «Умереть – непозволительная роскошь» (2003) эпизодически появляется группа персонажей – московских художников: Константин Гуреев (описан как *высокий бородатый мужчина в очках*), Вячеслав Демакин, Дмитрий Власов, Юрий Глаголев. В «Рискованной игре» есть персонажи-художники с такими же именами, и они описаны более подробно: Константин Гуреев – *...перед взором приятелей предстало огромное тело с курчавой русой бородой с золотистым оттенком*; Вячеслав Демакин – *среднего роста плотный мужчина с короткой стрижкой*; Дмитрий Власов – *симпатичный брюнет, занимающийся то ли бизнесом, то ли искусством*; Юрий Глаголев, а также Владимир Джимисюк, Пётр Естремский – нет детальных описаний внешности. Хронологически самый ранний (из числа доступных в сети) текст, где фигурируют художники Гуреев, Демакин и их мастерская на Колхозной, – это роман еще одного псевдонима, которым, вероятно, пользовался авторский коллектив Андрея Воронина: *Познакомились они на одной из московских тусовок, куда его затащил приятель – художник из «Огонька» Костя Гуреев* (Владимир Престолюв. Рекрут. Мн., 1999). У персонажей-художников могли быть прототипы с такими же или похожими именами; во всяком случае, московский художник Константин Гуреев (1963–2006) – реальное лицо, его иллюстрации есть в журнале «Огонёк» за 1996–1998 гг.¹¹, и сохранился анонс посмертной выставки его работ¹².

¹¹ URL: https://www.kommersant.ru/search/results?search_query=Гуреев&places=84&dateStart=1996-01-01&dateEnd=1998-12-31 (дата обращения: 18.08.2022).

¹² URL: <https://yavarda.ru/constantingureev.html> (дата обращения: 18.08.2022).

Центральный герой «Рискованной игры» *Илья Алексеевич Маланов* описан как *крепко сбитый мужчина лет пятидесяти; седовласый пенсионер; отставной полковник*, один раз назван *бывшим спецназовцем* и регулярно называется словом *инструктор* (120 вхождений), хотя нигде в тексте книги не объяснено, почему это так. Маланов ездит на *черном бьюике*, дружит с компанией художников (см. выше) и с соседом – болельщиком футбольного «Спартак» *Иваном Голубевым*. Под псевдонимом Андрей Воронин в 1998–2012 гг. вышла серия книг «Инструктор», центральный герой которой – *Илларион Константинович Забродов*, бывший инструктор спецназа. В двух поздних романах этой серии, «Инструктор. Отчаянный воин» (2010) и «Инструктор. Закопослушные граждане» (2011), Забродов – *седовласый мужчина крепкого телосложения, отставной полковник ГРУ*, ездит на *черном бьюике*, дружит с компанией художников, тех же самых, что и раньше, и с соседом – болельщиком футбольного «Спартак» *Иосифом Говорковым*. Эти знакомства выполняют сюжетобразующую роль: в «Отчаянном воине» герой, пользуясь помощью друзей, расследует похищение картин, а в «Закопослушных гражданах» – договорные футбольные матчи.

В «Последнем герое» действует *Борис Рубцов* по прозвищу *Комбат*, в прошлом майор, командир десантной роты (батальоном не командовал). Противоречие между прозвищем и послужным списком персонажа не объяснено в тексте. Под псевдонимом Андрей Воронин в 1997–2016 гг. вышла серия книг «Комбат», центральный герой которой – *Борис Рублёв* по прозвищу *Комбат*, в прошлом майор, командир десантно-штурмового батальона.

Сюжетобразующий персонаж «Русской красавицы» *Анна Измайлова* – фотограф, встречается с компьютерщиком *Матвеем Матецким*, выполняет заказы модельера *Кирилла Антонова*, на съемках вместе с ней работает визажист *Юрик*. Вот характерная деталь внешности Измайловой: *В руках она держала дорожную сумку и какой-то странный кожаный чемоданчик. Название его Агеев забыл, но точно знал, что именно в таких вот чемоданчиках фотографы носят свою аппаратуру. <...> «Кофр» – неожиданно вспомнил Агеев название чемоданчика*. В других текстах Чергинца слово *кофр* не встречается. Героиня романа «Умереть – непозволительная роскошь» и более ранней книги «Ночной дозор» (1999) *Катя Ершова* – фотограф, встречается с компьютерщиком *Ильей Мещерским*, выполняет заказы модельера *Варлама Кириллова*, на съемках вместе с ней работает визажист *Славик*. Постоянный атрибут Ершовой – *кофр* с фотоаппаратурой.

Таким образом, три романа Чергинца, которые по количественным характеристикам языка были идентифицированы как менее всего схожие с остальными текстами Чергинца, по содержанию примыкают к творчеству псевдонима Андрей Воронин: «Рискованная игра» – к серии об Инструкторе, «Последний герой» – к серии о Комбате, «Русская красавица» – к небольшому циклу о Кате Ершовой. Вместе с тем, отдельные фрагменты этих книг лучше согласуются с жизненным опытом самого Чергинца и стилистикой других его произведений. В «Последнем герое» таковы эпизоды с участием *генерала Игоря Николаевича Ветрова* (гл. 4, 14, 15), сквозного персонажа, чей карьерный путь от лейтенанта до генерала прослеживается в ряде книг Чергинца. В «Рискованной игре» таковы воспоминания главного героя о работе в президентской администрации (гл. 4, 5, 15, 18, 23). В «Русской красавице» таких эпизодов нет.

5. Заключение

Чтобы логически непротиворечиво объяснить весь набор фактов, предъявленных в статье, можно предложить, по-видимому, следующие гипотезы:

1) Чергинец является одним из авторов коллективного псевдонима Андрей Воронин, три отличающиеся книги написаны им и по какой-то причине опубликованы не под псевдонимом, а под собственным именем автора;

2) Чергинец ознакомился с творчеством авторов псевдонима Андрей Воронин и для трех своих книг позаимствовал у них некоторых персонажей и особенности языка (заимствование в обратную сторону не представляется логически возможным, т.к. во всех трех случаях персонажи появлялись у Андрея Воронина раньше, чем в соответствующих книгах Чергинца);

3) авторы псевдонима Андрей Воронин написали для Чергинца основную часть текста трех книг, а некоторые эпизоды Чергинец добавил от себя.

Если верно (1), то нуждается в объяснении, каким образом и зачем в состав авторского коллектива мог войти Чергинец, зачем ему понадобилось осваивать три различные стилевые манеры, которые больше никак не проявляются в остальных его текстах, даже близких по времени издания, и почему всё же три отличающиеся книги вышли под настоящим именем автора, тогда как более поздние романы «Инструктор. Схватка с драконом» (2010), «Инструктор. Отчаянный воин» (2010), «Инструктор. Законопослушные граждане» (2011), а также «Слепой.

За гранью» (2012), написанные в узнаваемой манере «Рискованной игры», опубликованы под псевдонимом.

Если верно (2), то нуждается в объяснении, почему Чергинец выбрал Андрея Воронина в качестве источника заимствований, почему он предпринял огромные сознательные усилия по маскировке особенностей своего индивидуального стиля в тех и только тех книгах, где есть заимствования из Воронина, и почему обрисовка персонажей в более поздних текстах псевдонима настолько точно совпадает с имитацией Чергинца.

Если верно (3), то ничего дополнительно объяснять не нужно. Исходя из той совокупности сведений, которой мы сейчас располагаем, эта гипотеза наиболее вероятна. Таким образом, правомерно поставить вопрос о фактическом авторстве романов «Русская красавица», «Последний герой», «Рискованная игра», опубликованных под именем Н.И. Чергинца.

Более полное количественное обследование языка и стиля текстов Чергинца и надежное установление их фактического авторства остается делом будущего. Многие книги пока еще не доступны в электронном виде, особенно романы, вышедшие в конце 1990-х и 2000-е гг.: «Кремлевский колодец» (1998), «Киллер» (1999), «Убить вождя» (1999), «Смертельный квадрат» (2000), «Черный пес» (2000), «Побег» (2002) и другие, всего свыше десяти романов Чергинца. Произведения псевдонима Андрей Воронин и других псевдонимов этого коллектива тоже оцифрованы не полностью: например, из серий о Комбате и Инструкторе доступно в электронном виде лишь около половины книг. Определение авторства книг псевдонима Андрей Воронин – отдельная филологическая задача, которая еще ожидает своего будущего исследователя.

Библиографический список / References

Аляхновіч, 2012 – Аляхновіч П.Н., Аляхновіч А.Я. Малы слоўнічак жывой халапеніцкай гаворкі // Малое Палесьсе: Гісторыка-краязнаўчы літаратурна-мастацкі альманах Друцка-Бярэзінскага краю. Крупкі, 2012. С. 121–134. [Aliachnovič P.N., Aliachnovič A.Ja. A concise vocabulary of modern Khalapenichy subdialect. *Maloje Paliešsie: Historyka-krajažnaŭčy litaraturna-mastacki almanach Друцка-Biarezinskaha kraju*. Крупкі, 2012. Pp. 121–134. (In Belarusian)]

Бесперстых, 2017 – Бесперстых А.П. Словарь эпитетов Николая Чергинца (по роману «Сыновья»). Новополоцк, 2017. [Besperstykh A.P. Slovar epitetov Nikolaya Chergintsa (po romanu «Synovya») [A dictionary of Nikolai Cherginets' epithets, based on his novel "Synovya"]. Novopolotsk, 2017.]

Каспяровіч, 1927 – Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы) / Пад рэд. М.Я. Байкова і Б.І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927. [Kašpiarovič M.I.

Viciebski krajovy slovník (matarjaly) [Materials for Viciebsk regional dictionary]. M.Ja. Bajkoŭ, B.I. Epimach-Šypila (eds.). Viciebsk, 1927.]

Кириллова, 2006 – Кириллова Н.О. Метафорические номинации в семантическом поле глаголов речи // Вестник Самарского гос. ун-та. 2006. № 10/2. С. 140–147. [Kirillova N.O. Metaphorical nominations in the semantic field of verbs of speech. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. No. 10/2. Pp. 140–147. (In Rus.)]

Ляшевская, Шаров, 2009 – Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. [Lyashevskaya O.N., Sharoff S.A. *Chastotnyi slovar sovremennogo russkogo yazyka* (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency dictionary of modern Russian, based on the Russian National Corpus]. Moscow, 2009.]

Мartiнович, 2012 – Martинович А.А. Жизнь такая она есть: Штрихи к творческому портрету Николая Чергинца // Нёман. 2012. № 10. С. 204–214. [Martinovich A.A. Life as it is: A few touches to the portrait of Nikolai Cherginets. *Neman*. 2012. No. 10. Pp. 204–214. (In Rus.)]

Мезенин, 1983 – Мезенин С.М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48–57. [Mezenin S.M. Figurativity as a linguistic category. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1983. No. 6. Pp. 48–57. (In Rus.)]

Михеев, Эрлих, 2018 – Михеев М.Ю., Эрлих Л.И. Идиостилевой профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2018. № 2. С. 25–34. [Mikheev M.Yu., Ehrlich L.I. Idiostylistic profile and authorship attribution based on function word frequencies. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2018. No. 2. Pp. 25–34. (In Rus.)]

Морозов, 1915 – Морозов Н.А. Лингвистические спектры: Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора: Стилометрический этюд // Изв. ОРЯС АН. 1915. Т. XX. Кн. 4. С. 93–134. [Morozov N.A. Linguistic spectra: A means to distinguish plagiarisms from true works of a certain known author: A stylometric study. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 1915. Vol. XX. No. 4. Pp. 93–134. (In Rus.)]

Мудрая и др., 2006 – Разработка инструментария для семантической разметки текста / Мудрая О.В., Бабич Б.В., Пьяо С.С. и др. // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006. С. 282–289. [Mudraya O.V., Babych B.V., Piao S.S. et al. Developing a Russian semantic tagger for automatic semantic annotation. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Korpusnaya lingvistika – 2006»*. St. Petersburg, 2006. Pp. 282–289. (In Rus.)]

Никонов, 1959 – Никонов В.А. Статистика падежей русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика: бюллетень Объединения по машинному переводу. 1959. № 3 (10). С. 45–65. [Nikonov V.A. Statistics of cases in Russian. *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika*. 1959. No. 3 (10). Pp. 45–65. (In Rus.)]

Падучева, 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. [Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s deistvitelnostyu* [Sentence and its reference to reality]. Moscow, 1985.]

Юрина, 2005 – Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск, 2005. [Yurina E.A. *Obraznyi stroi yazyka* [Figurativity in language]. Tomsk, 2005.]

Burrows, 2002 – Burrows J. ‘Delta’: A measure of stylistic difference and a guide to likely authorship. *Literary and Linguistic Computing*. 2002. Vol. 17. No. 3. Pp. 267–287.

Burtsev et al., 2018 – Burtsev M. [et al.] DeepPavlov: Open-source library for dialogue systems. *Proceedings of ACL 2018. System Demonstrations*. Pp. 122–127.

Devlin et al., 2018 – Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. arXiv preprint arXiv:1810.04805, 2018.

Eder et al., 2016 – Eder M., Rybicki J., Kestemont M. Stylometry with R: A package for computational text analysis. *R Journal*. 2016. Vol. 8. No. 1. Pp. 107–121.

Evert et al., 2017 – Evert S., Proisl T., Jannidis F. et al. Understanding and explaining Delta measures for authorship attribution. *Digital Scholarship in the Humanities*. 2017. Vol. 32. Suppl. 2. Pp. ii4–ii16.

Kullback, Leibler, 1951 – Kullback S., Leibler R.A. On information and sufficiency. *Annals of Mathematical Statistics*. 1951. Vol. 22. No. 1. Pp. 79–86.

Lin, 1991 – Lin J. Divergence measures based on the Shannon entropy. *IEEE Transactions on Information Theory*. 1991. Vol. 37. No. 1. Pp. 145–151.

Lu et al., 2020 – Lu J., Henschion M., MacNamee B. Diverging divergences: Examining variants of Jensen Shannon divergence for corpus comparison tasks. *Proceedings of LREC 2020*. Pp. 6740–6744.

Mosteller, Wallace, 1963 – Mosteller F., Wallace D.L. Inference in an authorship problem: A comparative study of discrimination methods applied to the authorship of the disputed Federalist papers. *Journal of the American Statistical Association*. 1963. Vol. 58. No. 302. Pp. 275–309.

Nivre et al., 2016 – Nivre J., de Marneffe M.-C., Ginter F. et al. Universal Dependencies v1: A multilingual treebank collection. *Proceedings of LREC 2016*. Pp. 1659–1666.

Stamatatos, 2009 – Stamatatos E. A survey of modern authorship attribution methods. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. Vol. 60. No. 3. Pp. 538–556.

Yule, 1939 – Yule G.U. On sentence-length as a statistical characteristic of style in prose: With application to two cases of disputed authorship. *Biometrika*. 1939. Vol. 30. No. 3/4. Pp. 363–390.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022

The article was received on 18.08.2022

Сведения об авторе/ About the author

Кузнецов Сергей Андреевич – магистр филологических наук; независимый исследователь, г. Минск, Республика Беларусь

Siarhei A. Kuzniatsou – MA in Philology; independent researcher, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: kuzniatsou@mailfence.com

УДК: 811.511.21+81'44

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

А.Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН,
199053 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Модели функциональной адаптации заимствованного из русского языка союза *и* в селькупских диалектах

В статье предложен анализ функционирования в пяти селькупских диалектах заимствованного из русского языка союза *и*. Анализ позволяет увидеть, что селькупские диалекты различаются с точки зрения того, как происходит функциональная адаптация заимствованной единицы (которая к тому же является полисемантической в языке-доноре). Выделено две модели такой функциональной адаптации, основанных на том, отождествляются ли функции заимствованного элемента с функциями какого-либо исконного элемента языка-реципиента или же происходит репликация функций заимствованного элемента из языка-донора в язык-реципиент. Это исследование позволяет изучить некоторые механизмы уподобления грамматической системы языка-реципиента грамматической системе языка-донора. В статье также высказываются предположения о том, какие различные социолингвистические характеристики контактной ситуации могут соответствовать различным моделям функциональной адаптации.

Ключевые слова: языковые контакты, заимствование, селькупские диалекты, русский язык, союз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Урманчиева А.Ю. Модели функциональной адаптации заимствованного из русского языка союза *и* в селькупских диалектах // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 31–57. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

A. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation

Functional adaptation models loaned from the Russian conjunction *i* ('and') in Selkup dialects

The article proposes an analysis of the functioning of the conjunction *i* (Russian 'and'), borrowed from Russian into five Selkup dialects. The analysis allows us to see that the Selkup dialects differ in terms of how the functional adaptation of the borrowed unit (which is polysemous in the donor language) takes place. Several strategies for such functional adaptation have been identified, based on whether the functions of the borrowed element are identified with the functions of some "native" element of the recipient language, or whether the functions of the borrowed element are replicated from the donor language to the recipient language. This study allows us to investigate some mechanisms of assimilation of the grammatical system of the recipient language to the grammatical system of the donor language. The article also suggests which sociolinguistic characteristics of the contact situations may correspond to different strategies of functional adaptation.

Key words: language contacts, borrowing, Selkup dialects, Russian language, conjunction

FOR CITATION: Urmanchieva A. Functional adaptation models loaned from the Russian conjunction *i* ('and') in Selkup dialects. *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 31–57. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-31-57

1. Введение

В статье изучаются контакты селькупских диалектов с русским языком. В конечном итоге эти контакты привели к смене языка (которой предшествовали процессы языковой аттриции, затронувшие все селькупские диалекты). Но исследование селькупско-русских контактов я постаралась ограничить тем материалом, который отражает достаточно полное владение селькупками родным языком. В этих материалах

выделяется значительное количество русских заимствований, связанных прежде всего со знакомством с определенными реалиями (простейший пример – *спички*), но заимствован также целый ряд служебных и квазислужебных элементов – союзов и частиц.

В результате исследования выяснилось, что – в зависимости от диалекта – есть несколько моделей «функциональной адаптации» таких заимствований. Я считаю, что возникновение нескольких таких моделей связано с тем, что социолингвистические параметры русско-селькупских контактов могли существенно различаться от диалекта к диалекту. Соответственно, я постаралась реконструировать социолингвистические параметры, которые можно поставить в соответствие каждой модели функциональной адаптации заимствованных из русского языка служебных слов.

В исследованиях, затрагивающих заимствование союзов, они относятся к классу «функциональных слов» (*function word* в терминологии [Thomason, Kaufman, 1988, p. 74]) или «модификаторов высказывания» (*utterance modifiers* по [Matras, 1998]) Я. Матрас определяет этот класс как «расширенную группу различных элементов, структурирующих дискурс, дискурсивных маркеров и фокусных частиц»¹ [Matras, 1998, p. 282]). В известной иерархии заимствуемости, предложенной в [Thomason, Kaufman, 1988, p. 74–75], эти элементы находятся практически в самой левой части иерархии и являются первыми грамматическими (нелексическими) элементами, проникающими в систему языка в ситуации языкового контакта.

Как известно, обсуждаемая иерархия заимствуемости ставит в соответствие положению заимствованного элемента на шкале интенсивность языкового контакта: чем правее в иерархии располагается заимствованный элемент, тем более интенсивным является языковой контакт. Поскольку вопрос о социолингвистических параметрах языковых контактных ситуаций также важен в рамках данного исследования, приведу цитату из работы Я. Матраса, в сжатом виде характеризующего иерархию, предложенную С. Томасон и Т. Кауфманом: «результатом спорадических контактов будет заимствование знаменательной лексики (категория 1); несколько более интенсивный контакт может привести к заимствованию служебных слов с сохранением некоторых их фонологических, синтаксических и лексико-семантических особенностей (категория 2); результатом еще более интенсивных контактов может стать структурное заимствование адлогов, словообразовательных морфем и отдельных фонем (категория 3); сильное структурное давление приводит к заимствованию моделей порядка слов, различительных признаков

¹ “an extended grouping of various discourse-regulating elements, discourse markers, and focus particles” [Matras, 1998, p. 282].

фонем и словоизменительной морфологии (категория 4); и, наконец, очень сильное культурное давление может привести к значительному разрушению исходных типологических характеристик языка и к изменениям в сфере фонетики (категория 5)»² [Matras, 1998, p. 284].

Я. Матрас обсуждает различные попытки объяснить тот факт, что рассматриваемые единицы заимствуются с такой легкостью. Он не согласен с тем, что заимствование этих элементов следует объяснять тем, что они заполняют лакуны в системе языка-донора или тем, что интеграция этих единиц сообщает всему дискурсу некоторый флер «престижности» благодаря статусу языка-реципиента. Я. Матрас считает, что билингвы испытывают значительное когнитивное давление, когда в их распоряжении находятся два набора единиц, служащих для структурирования дискурса. В такой ситуации они стремятся сократить количество таких элементов до одного набора, при этом предпочтение отдается набору, принадлежащему более престижному языку L2. Естественно, процесс перехода от двух наборов к одному является постепенным, включающим стадию сосуществования единиц из двух языков.

Таким образом, заимствование этих элементов рассматривается исследователями как характеристика определенной стадии (или, иначе, определенной степени интенсивности) контактов между двумя языками. Иначе говоря, в этих исследованиях выбирается такой масштаб, при котором все случаи заимствования таких элементов относятся к одному классу. В данном исследовании в сравнении с процитированными работами меняется степень приближения: условно монолитный класс ситуаций (контакт такой степени интенсивности, при котором заимствуются функциональные слова) распадается на несколько (модель функциональной адаптации союза в идиомах-реципиентах различается в зависимости от социолингвистических параметров контактной ситуации).

Начнем с кратких сведений о селькупских диалектах (обозначения селькупских диалектов даются по [Alatalo, 2004]).

Р – северный, «тундровый» диалект, на реках Таз и на притоках Енисея от Елогья до Карасино, ранее также в верховьях Ваха.

Т – тымский диалект, распространен на реке Тым. Согласно общепринятой точке зрения, именно отсюда на север мигрировала часть населения, послужившая основой северной группы селькупов.

² “casual contact will lead to lexical borrowing of content words (category 1); slightly more intense contact may result in some borrowing of function words with minor phonological, syntactic, and lexical-semantic features (category 2; see below); more intense contact can give rise to structural borrowing of adpositions, derivational suffixes, and phonemes (category 3); strong structural pressure will condition borrowing of word-order patterns, distinctive features in phonology, and inflectional morphology (category 4); and finally, very strong cultural pressure could show significant typological disruption and phonetic changes (category 5)” [Matras, 1998, p. 284].

Н – н-диалект, на реках Васюган, Парабель и на Оби между ними. Название диалекта в данной классификации обусловлено его яркой чертой – переходом *s* → *h*. Далее он будет называться васюганским диалектом.

І – иванкинский диалект (Обь в районе Колпашева), в котором не произошло перехода *s* → *h*, но который в остальном очень близок к н-диалекту.

О – верхнеобской диалект, к югу от Колпашева до реки Чулым.

К – кетский диалект, по реке Кеть.

Признанным является деление селькупского диалектного континуума на три зоны: северную, центральную и южную. К южной диалектной зоне относятся верхнеобской и кетский диалекты, к центральной – тымский и васюганский, к северной – собственно северный, «тундровый» диалект. Иванкинский диалект занимает промежуточное положение между центральной и южной диалектной группами; материал иванкинского диалекта в данной статье не рассматривается.

Союз *и* заимствован во все диалекты селькупского языка. Вместе с тем, в селькупских диалектах есть исконные единицы *aj* и *naj*, функции которых по крайней мере частично пересекаются с функцией заимствованного из русского сочинительного союза *и*. Тем самым, для каждого диалекта будут рассмотрены основные употребления всех трех элементов.

2. Заимствование союза *и* в селькупские диалекты: данные

2.1. *Aj*, *naj* и *i* в тымском диалекте

2.1.1. *Aj* в тымском диалекте

Эта единица употребляется в следующих релевантных для нас контекстах.

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

(1) *kannag'* *ai* *šū* *ai* *k'alan* *tšēndž-kā-ɔ*
 собака и змея и полевка сказать-НРАВ.АОР-S3PL³
 'Собака и змея и полевка сказали' (Do. Ms.⁴)

³ Условные обозначения: 1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC – аккузатив; AOR – аорист; ATTR – показатель атрибутивной формы; CORREL – коррелятив ('размером с'); CVB – деепричастие; DIM – диминутив; DU – двойственное число; DUR – дуратив; FUT – будущее время; GEN – генитив; HAB – хабитуалис; ILL – иллатив; IMP – императив; INCH – инхотатив; INF – инфинитив; INFER – инферентив; INSTR – инструменталис; INTENS – интензив; DLALT – датив-латив; LATENT – латентив; LOC – локатив; NEG – отрицательная частица; O – объектное спряжение; OPT – оптатив; PL – множественное число; NP – имя собственное; PRAET – прошедшее время; PRON – прохитив; PTDEV – дебитивное причастие; RECIPR – реципрок; RFL – рефлексив; S – субъектное спряжение; TRANSL – транслатив.

⁴ Здесь и далее Do. Ms. – неопубликованные селькупские тексты, собранные К. Донне-ром, обработанные Я. Алатало и включенные им в его корпус селькупского языка.

Б. ‘Опять’

- (2) *kabədžā-lä* *ai* *kurrā--nna-g*
наестся-CVB опять пойти-AOR-S1
‘Наевшись, я опять отправился в путь’ (Do. Ms.)

В. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке (‘Р, и (затем) Q’)

- (3) *äldž^əga-n* *orral-ge-ḍ* *ai* *tō*
старуха-ILL схватить-НАВ.AOR-O3 и прочь
ñəmpɛi-ke-ḍ
толкнуть-НАВ.AOR-O3
‘Он схватил старуху и оттолкнул ее’ (Do. Ms.)

Г. Эмфатическая конструкция вида ‘сколько Р, однажды и Q’

- (4) *kušša* *kund* *kuen-ga-Ø,* *kuen-ga-Ø,* *ai*
сколько долго идти-НАВ.AOR-S3 идти-НАВ.AOR-S3 и
okkur *tšuatš* *tšondžō-γod* *šākk^ə-sa*
один земля[-GEN] середина-LOC ночевать-PTDEB
mət-ka-Ø
дойти-НАВ.AOR-S3
‘Сколько он так шел, шел – однажды и заночевать ему время пришло’ (Do. Ms.)

Д. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q’

- (5) *kōšan^l* *tšuatšo-nd* *kaɪl* *yūm* *ī-lɛ-p-s*
смертный земля-DLAT какой человек взять-FUT-O1-FUT
ai *nā* *γov* (*ai*) *onändž₁ pīrō-m-d₂*
и этот человек и сам_{1,2}-ACC-2
ī-lla-k-s
взять-FUT-S1-FUT
‘Какого человека я в смертную землю заберу, того человека я с тобой вместе заберу’ (C. Ms.⁵)

2.1.2. Naj в тымском диалекте

А. ‘Тоже’

- (6) *teb-ənt* *nei* *omdəldž-āḍ* *alagu-nd!*
он-ACC тоже посадить-OIMP2PL лодка-DLAT
‘Его тоже посадите в лодку!’ [Do. Ms.]

⁵ Здесь и далее С. Ms. – неопубликованные селькупские записи М. А. Кастрена, обработанные Я. Алатало и включенные им в его корпус селькупского языка.

Б. ‘и X, и Y’

- (7) *nūm neĭ, t̥ʃuātš-əm neĭ aʒa tenəu-ke-d.*
 небо.ACC тоже земля-ACC тоже NEG узнать-НАВ.AOR-O3
 ‘Он не узнавал ни неба, ни земли’ (Do. Ms.)

В. Конструкция *njntə nai* ‘тут и’

- (8) *pūnɛgɛzɛ pɛtš-sɛ pʼadʼəl-lɛ-l-kə-d. nəndə neĭ*
 PN топор-INSTR рубить-INCH-НАВ.AOR-O3 потом и
uagʷə mādā-ššag kʼābrɛ-d takke
 большой дверь-CORREL стружки-3 прочь
paktār-lɛ-l-ka-Ø.
 отскочить-INCH-НАВ.AOR-S3
 ‘Пюнегусе начал рубить топором, тут и полетели стружки
 размером с дверь’ (Do. Ms.)

2.1.3. I в тымском диалекте

А. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке (‘P, и (затем) Q’)

- (9) *nəkkə tū-kka-Ø ī mannəmb-ke-d,*
 туда прийти-НАВ.AOR-S3 и посмотреть-НАВ.AOR-O3
ī vēs ellɛ takkəl-ge-d.
 и все вниз взять-НАВ.AOR-O3
 ‘Он пришел туда, и посмотрел, и снял их всех вниз’ (Do. Ms.)

Б. Эмфатическая конструкция вида ‘сколько P, и однажды Q’

- (10) *kušā kund kurālb²-ka-Ø ī okkur t̥ʃuətš*
 сколько долго бежать-НАВ.AOR-S3 и один земля[-GEN]
t̥ʃondžō-yod šid² nā-l yū-y
 середина-LOC два женщина-ATTR человек-DU
nəŋŋə-ndā-y.
 стоять-LATENT-S3DU
 ‘Сколько он так бежал – и однажды (~ ‘вдруг видит’) стоят две женщины’ (Do. Ms.)

В. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой P, и столько/там/тогда/такой Q’

- (11) *qajl kōpto-nd² kond²-ka-Ø i nəkkə*
 какой место-DLAT уснуть-НАВ.AOR-S3 и там
pū-dxo kʼandeĭ-ka-Ø
 камень-TRANSL замерзнуть-НАВ.AOR-S3
 ‘В каком месте уснул, там и замерз, превратившись в камень’

Г. С местоимениями: Pron-i 'Pron тоже'

- (12) *okkur ando-gt nār t'ēt̚ tār omnə-mbā-d.*
 один лодка-ILL три четыре по сесть-INFER-S3PL
nīg t̚ʃāq̚ʃ-ā-d aḷ tɛb ī tɛb-ʔd-ʔn
 так пойти-AOR-S3PL и он и он-PL-GEN
moḡo-ḡoḡ karä u-llei-ka-Ø
 позади-LOC к.воде плыть-INCH-NAV.AOR-S3
 'В каждую лодку по трое, по четверо расселись, отправились.
 И он тоже вслед за ними от берега отплыл'.

На рис. 1 приводится схема, где на одной семантической карте представлены функциональные сферы четырех элементов: союза *u* в русском языке⁶, заимствованного из русского языка элемента *i* в тымском, *aj* в тымском, *naḷ* в тымском. В тымском диалекте *i* представлено в двух семантически несвязанных зонах: в первом случае все его употребления «вкладываются» в сферу употребления тымского *aj*, во втором случае оно функционирует как показатель со значением 'тоже', употребляясь в постпозиции к личным местоимениям⁷. Начнем с первой,

⁶ Сфера употребления русского *u* разделена на две: *u* в функции сочинительного союза и *u* в функции частицы. Функцию частицы *u* 'менее' можно определить как указание на то, что сообщение о ситуации Р надо оценивать в сопоставлении с предтекстом: то, что ситуация Р должна была наступить, может быть либо прямо известно из предтекста, либо с высокой вероятностью следовать из предтекста:

(i) ... здесь в деревне, прошлой зимою, доподлинно случилось, что мужик Арефий Никитин поехал за дровами в лес, в обций колок, всего версты четыре, да *u* запоздал; поднялся буран, лошаденка была плохая, да *u* сам он был плох; показалось ему, что он не по той дороге едет, он *u* пошел отыскивать дорогу, снег был глубокий, он выбился из сил, завяз в долочке – так его снегом там *u* занесло. (С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858))

Но возможна и связь с предтекстом противоположного характера: например, герою было запрещено куда-то ходить, а он и думает: «Пойду-ка я туда».

В функции частицы *u* может употребляться самостоятельно, как в (i) – на схеме этот класс употреблений обозначен как «и Р». Нередки также употребления в (разрывных) сочетаниях типа *вот u*, *тут u*, *ну u* и т.д. – на схеме этот класс употреблений обозначен как «*тут* и Р».

⁷ Я рассматриваю эти зоны как семантически несвязанные, несмотря на то, что обе они как будто объединяются употреблениями русского *u* (серая рамка на рис. 1). Во-первых, в русском значение 'тоже' (*Петя пошел. И Вася пошел*) возникает из значения сочинения конъюнктов: при том, что на синтаксическом уровне сочиняются клаузы, они не обязательно обозначают две хронологически следующие друг за другом ситуации; эти ситуации могут быть и одновременны, так что речь идет именно о сочинении конъюнктов. В тымском на семантической карте заимствованного *i* эта функция (сочинение конъюнктов) оказывается «выколотой», так что в этом месте семантическая карта оказывается несвязанной. Во-вторых, в тымском значение 'тоже' *u* возникает только в сочетании с личными местоимениями, причем *i* занимает при них постпозицию, для русского же *u* постпозиция исключена. Такая узкая сфера распространения этой конструкции – сочетание только с личными местоимениями – показывает, что в этом случае катализатором заимствования *i* послужили скорее какие-то внутренние факторы развития языковой системы тымского диалекта, нежели копирование употребления русского *u*.

более обширной зоны. Очевидно, заимствование происходило с опорой на семантику тымского *aj*. Можно видеть, что *i* в тымском не имеет ни одного из тех употреблений, которые были бы характерны для русского *и*, но не были бы характерны для *aj*. При этом употребления *i* распространяются на конструкцию, проиллюстрированную примерами (4) и (10), совершенно обычную для тымского *aj*, но для русского *и* невозможную.

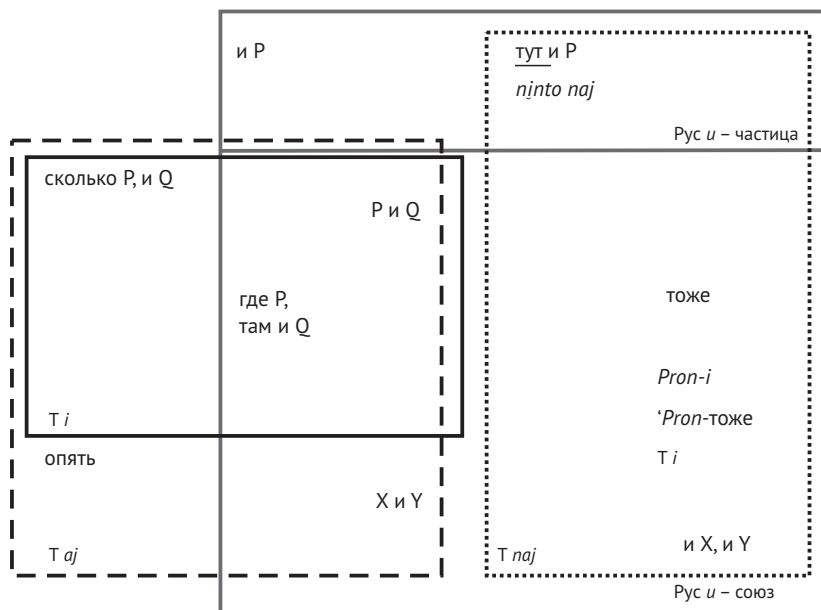

Рис. 1. Семантическая карта: *aj*, *naj* и *i* в тымском диалекте в сопоставлении с русским *и*

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемента *i* в тымском (сплошная черная линия), *aj* в тымском (штриховая линия), *naj* в тымском (пунктирная линия)

Fig. 1. Semantic map: *aj*, *naj* and *i* in the Tym dialect (Selkup) versus Russian *i* 'and'

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), borrowed from Russian of the element *i* in Tym (solid black line), *aj* in Tym (dashed with long strokes), *naj* in Tym (dashed with dots)

Распространение употребления заимствованного *i* на эту конструкцию возможно за счет отождествления его функционала с функционалом исконного маркера *aj*. То есть заимствованный элемент

приобретает определенную функцию, не свойственную его прототипу в языке-доноре, с опорой на отождествление его функций с функциями некоторого исконного элемента, уже присутствующего в системе языка-реципиента.

Я. Матрас пишет о процессе такого взаимного уподобления систем дискурсивных маркеров двух языков, который позволяет билингам снизить когнитивное напряжение. Как он показал, итогом сосуществования таких двух изоморфных систем дискурсивных маркеров в случае устойчивого билингвизма становится то, что в активном употреблении остается один набор показателей – тот, который принадлежит более престижному языку. Я. Матрас в своей работе не рассматривает подробно, как именно происходит процесс такого отождествления систем дискурсивных маркеров двух языков. Однако, судя по всему, он предполагает, что употребление заимствованных элементов в L1 идентично их употреблению в языке-доноре L2. Во всяком случае, он именно так определяет процесс конвергенции двух систем дискурсивных маркеров, который он называет термином *фузия*: «То, что в работе Salmons (1990) называется конвергенцией систем дискурсивных маркеров, в действительности характеризуется однонаправленной репликацией и лингвистического материала, и приписанных ему функций из L2 в L1, в результате чего носители L1 больше не дифференцируют соответствующие операции в обоих языках»⁸ [Matras, 1998, p. 298]. Таким образом, в этой модели предполагается, что заимствованные из L2 элементы не претерпевают каких-либо семантических изменений в L1.

В случае с заимствованием русского *и* в тымский диалект селькупского мы также видим процесс отождествления функций заимствованного элемента с функциями исконного элемента. Вместе с тем, мы не видим переноса заимствуемого элемента в язык-донор с сохранением всех его функций; напротив, заимствованный элемент начинает употребляться по модели, характерной для некоторой исконной для языка-реципиента языковой единицы. Наблюдаемая в тымском селькупском картина характерна, очевидно, для определенной стадии билингвизма, когда язык L1 используется более активно, чем L2, и именно грамматические модели родного языка становятся образцом для формирования семантики заимствованного элемента. Итак, можно описать первую модель заимствования.

⁸ “What Salmons (1990) refers to as the convergence of discourse-marking systems, however, is in fact characterized by a unilateral replication of both material and functions from L2 in L1, with the result that speakers of L1 no longer differentiate between the respective operations of either language” [Matras, 1998, p. 298].

Модель 1. Происходит отождествление заимствованного элемента с некоторой исконной языковой единицей, в результате чего заимствованный элемент становится ее семантическим дублетом. Круг употреблений заимствованной единицы обусловлен именно этой операцией отождествления, а не набором ее функций в языке-доноре.

При этом мы видим, что *i* не дублирует две функции *aj* – значение ‘опять’ и значение сочинения двух конъюнктов (*волк и медведь, пляшут и поют* и т.п.) (см. рис. 1). Отсутствие параллельного употребления *aj* и *i* в значении ‘опять’ не кажется удивительным: это значение отсутствует у заимствуемой единицы в языке-доноре, но, главное, это значение является лексическим, а не дискурсивным или грамматическим и, видимо, поэтому стоит особняком и не участвует в процессе отождествления функций селькупского *aj* и русского *и* при заимствовании последнего в рамках модели 1.

На первый взгляд кажется странным, что употребления *i* в тымском диалекте не распространяются на конструкцию сочинения двух конъюнктов: это значение присуще селькупскому *aj*, а частота употребления русского *и* в этой функции такова, что отсутствие отождествления *aj* и *i* в тымском в этой функции, конечно, не может объясняться маргинальностью соответствующих употреблений русского *и*. На мой взгляд, здесь определяющим является следующий фактор: в контексте сочинения двух конъюнктов *и* имеет исключительно синтаксическую функцию (маркирует сочинительную связь) и потому десемантизирован; в тымский же диалект *i* вошел, во-первых, в конструкции с отчетливой – коррелятивной – семантикой и, во-вторых, в тех функциях, когда, соединяя клаузы, *i* помогает так или иначе структурировать нарратив. Учитывая, что в тымском диалекте, как и вообще в селькупском, совершенно обычным является соположение двух клауз, обозначающих последовательные ситуации, употребление для их соединения какого-либо из элементов – *aj* или *i* – может иметь дополнительную семантическую нагрузку.

Таким образом, *i* был заимствован в тымский диалект в соответствии со моделью 1 (с опорой на семантику исконного элемента *aj*) с двумя дополнительными ограничениями: его употребление ограничивается теми контекстами, где он имеет отчетливую семантику (коррелятивную) и отчетливые дискурсивные функции (что вполне соответствует наблюдению Я. Матраса об отчетливой тенденции заимствовать именно те единицы, функцией которых является структурирование дискурса). Он не употребляется в функции десемантизированного союза для маркирования сочинительной связи и не распространяется на те контексты, где селькупское *aj* сохраняет исконное лексическое значение ‘опять’.

Основное о второй конструкции, где *i* в постпозиции к личному местоимению означает ‘тоже’, сказано в сноске 7. Здесь я прокомментирую эту ситуацию исключительно с точки зрения модели заимствования. Очевидно, что и здесь заимствование элемента хотя и опиралось на его значение (‘тоже’) в русском языке, происходило не только и исключительно с опорой на его функции в языке-доноре. Как уже отмечалось в сноске 7, здесь не происходит репликации целого участка семантической сети русского *и*, который бы естественно связывал между собой употребления *i* в языке-реципиенте. Во-первых, очевидно отождествление *i* и *paĵ* в селькупском, как функциональное, так и позиционное (ср. (6) и (12)). Во-вторых, *i* в этом значении используется в селькупском только с местоимениями; подобных ограничений в русском нет, так что и здесь очевидно прежде всего действие внутриязыковой логики, а не влияние языка-донора. Так что и в этом случае мы видим, что заимствование регулируется моделью 1 (отождествление русского *i* и селькупского *paĵ*), причем язык-реципиент использует это заимствование для обновления способов маркирования значения ‘тоже’ только в определенных грамматических контекстах (в сочетании с личными местоимениями). К этому можно добавить, что элементы со значением ‘тоже’ по своей функции близки к дискурсивным (и потому, согласно Я. Матрасу, особенно востребованы при заимствовании): семантически они практически ничего не добавляют собственно к семантике фразы, а только повышают ее связность с предыдущим текстом (ср., в частности, невозможность употребления языковых единиц со значением ‘тоже’ в изолированном высказывании).

2.2. *i* и *aj/εj*⁹ в северном диалекте

2.2.1. *Aj* в северном диалекте

А. Собственно сочинительная связь (‘X и Y’):

(13) <i>Nätänka</i>	<i>porqy-m-ty,</i>	<i>türy-m-ty</i>	<i>aj</i>	<i>toľcy-m-ty</i>
PN	парка-ACC-3	лыжный.посох-ACC-3	и	лыжи-ACC-3
<i>tō</i>	<i>mišal-ny-ty</i>			
прочь	взять-AOR-O3			
- ‘Нэтэнка свою парку, свою лыжную палку и свои лыжи отобрала, собралась уходить’ [Кузнецова и др., 1993, с. 1, текст 3, предл. 35].

⁹ Судя по всему, это фонетические варианты.

Б. 'Опять'

- (14) *Tääl₁ tjeel₂ ai kuen-ba-Ø. Ai maa-ttē*
 завтра и пойти-INFER-S3 и дом-DLAT
tuliš-pa-Ø
 дойти-INFER-S3
 'Назавтра опять пошел, опять дошел до какого-то дома' (С. Ms.)

В. 'Тоже':

- (15) *il'ca! man aj pačal-lä-p!*
 старик я и рубить-ОПТ-О1
 'Старик! Дай-ка я тоже порублю!' [Прокофьев, 1935, с. 103]

Г. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('Р, и (затем) Q') – единичные употребления, которые можно сосчитать на пальцах одной руки, и только в текстах второй половины XX в.:

- (16) *Ira ȡq-qyn-ty catty-ny-ty aj amm-ē-ny-ty*
 старик рот-ЛОС-3 бросить-AOR-ОЗ и съесть-INTENS-AOR-ОЗ
 'Старик себе в рот бросил и съел' [Кузнецова и др., 1993, с. 28, текст 18, предл. 14].

Д. Коррелятивная конструкция типа 'сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q':

- (17) *ünkylsa-ty ukōt kuttar ē-sy-Ø, ni'cyn ej*
 уши-3 раньше как быть-PRAET-S3 так и
ē-ŋa-Ø
 быть-AOR-S3
 'Уши ее какие были, такие и есть' [Там же, с. 15, текст 4, предл. 72]

Е. Сочетание «вопросительное местоимение + *aj*» имеет значение эмфатического вопроса (ср. в русском нейтральный вопрос *Что за птица?* и эмфатический *Что еще за птица?*):

- (18) *innān aj qail' nekəra-l' wənda-l'*
 наверху и какой пестрый-ATTR лицо-ATTR
sūrə-la āmd-a-Ø?
 зверь-DIM сидеть-AOR-S3
 'Что это за такой зверек с пестрым лицом сидит наверху?!'
 [Прокофьев, 1935, с. 106]

- (19) *imakota aj kunə tü-ndə āl'ci-sə-Ø?*
 старуха и как огонь-DLAT упасть-PRAET-S3
 'Как же это старуха в огонь упала?!' [Прокофьев, 1935, с. 107]

2.2.2.1 в северном диалекте

Этот союз является поздним заимствованием, появляясь только в записях второй половины XX в. (например, он ни разу не встретился в текстах Г.Н. Прокофьева 1920-х гг.).

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (20) *Ica i imaqota ily-mp̄-q̄i.*
 PN и старуха жить-INFER-S3DU
 'Ича и старуха жили' [Кузнецова и др., 1993, с. 24, текст 10, предл. 1].

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q'):

- (21) *Pollē-mpa-ty i topyr-l'a-tqo ess-ī-mpa-Ø*
 проглотить-INFER-O3 и ягода-DIM-TRANSL стать-RFLINTENS-INFER-S3
 'Он проглотил (ягодку) и ягодкой (сам) стал' [Там же, с. 42, текст 27, предл. 51].

На схеме, представленной на рис. 2, показаны функциональные сферы трех элементов: союза *и* в русском языке, заимствованного из русского языка элемента *i* в северном селькупском и исконного элемента *aj*.

Как уже отмечалось выше, заимствование русского *и* в северный диалект произошло довольно поздно: *i* в северных селькупских материалах фиксируется только в текстах второй половины XX в. Очевидно, что заимствование *i* в северный диалект происходило в соответствии с совершенно иными принципами, нежели его заимствование в тымский (материалы по которому отражают ситуацию в первые годы XX в.). Схема на рис. 2 наглядно показывает, что *i* по употреблению гораздо ближе к русскому *и* (вкладываясь в его сферу употребления), чем к селькупскому *aj*. В этом случае мы можем выделить иную модель функциональной адаптации.

Модель 2. Употребления заимствованного элемента в языке-реципиенте соответствуют его модели употребления в языке-доноре.

В северный селькупский и не был перенесен из русского со всеми его значениями (см. рис. 2). При этом принципы «отбора» заимствованных значений в определенном смысле противоположны тем, которые действовали в тымском диалекте (где также не произошло полной репликации

всей сети значений русского *и*). Напомню, что в тымский (где заимствование происходило в соответствии со моделью 1) и был заимствован прежде всего как элемент структурирования дискурса, в результате чего тымский «проигнорировал» такую частотную, но десемантизированную функцию русского *и*, как соединение двух однородных конъюнктов в сочинительной конструкции. Что касается северного диалекта, то в него *и* был заимствован именно как маркер сочинительной связи: северный *i* просто повторяет два наиболее частотных употребления русского *и*: при внутрифразовом сочинении однородных конъюнктов и при сочинении клаузов.

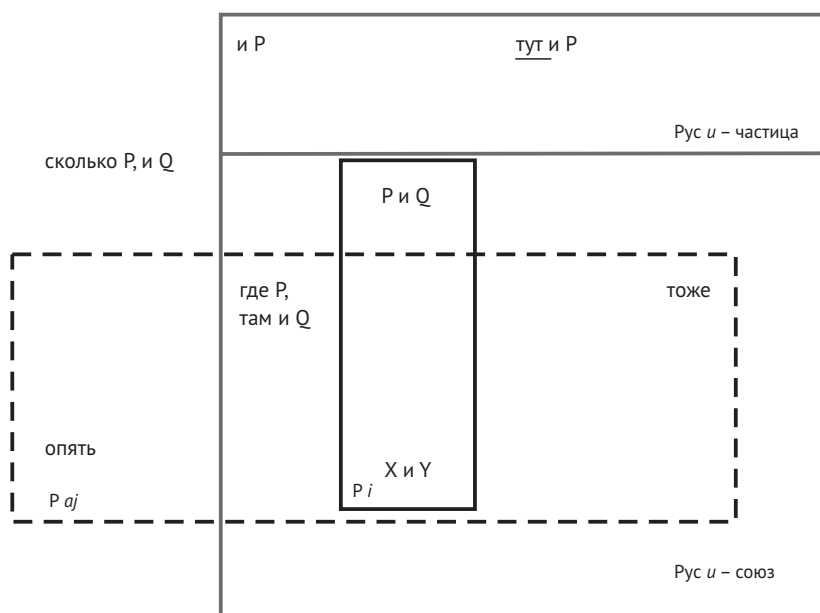

Рис. 2. Семантическая карта *aj* и *i* в северном диалекте в сопоставлении с русским *и*

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в северном селькупском (сплошная черная линия), исконный элемент *aj* (пунктирная линия)

Fig. 2. Semantic map of *aj* and *i* in the Northern Selkup dialect compared to Russian conjunction *i* 'and'

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), element *i* borrowed from Russian in Northern Selkup (solid black line), native element *aj* (dashed line)

2.3. *Aj, paj и i в васюганском диалекте*

2.3.1. *Aj/ej в васюганском диалекте*

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (22) *шомтел-ба-Ø* **ей** *кагарват-па-Ø*, **а**
 свистеть-DUR.AOR-S3 и греметь-DUR.AOR-S3 **а**
чомбо-те нагор аршит е-за-Ø
 длина-3 три аршин быть-AOR-S3
 'Свистит и гремит, а длиной – три аршина' [Быконя,
 1981, с. 139].

Б. 'Опять':

- (23) *қонне нағыр-п ай ь°зь қà-қв-а:дь!*
 на.берег письмо-ACC опять PRON бросить-OIMP2PL
 'На гору <из воды> письмо больше не кидайте!' [Дульзон,
 1966а, с. 112]

2.3.2. *Naj в васюганском диалекте*

А. 'Тоже'

- (24) *че:лы-м-дь қондрж-на-п, ну: шүндже-м най*
 день-ACC-3 видеть-AOR-O1 небо внутренность-ACC тоже
қонжр-на-п
 видеть-AOR-O1
 'Я вижу солнце, и небо тоже вижу' [Там же, с. 102].

2.3.3. *I в васюганском диалекте*

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (25) *омдылдж-мбá-т устóл-онт шенíха-п и*
 посадить-INFER-O3PL стол-DLAT жених-ACC и
нэвэ́стка-п
 невеста-ACC

'Посадили за стол жениха и невесту' [Там же, с. 114].

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('Р, и (затем) Q'):

- (26) *ми лардж-á-ут и по:не чар-á-ут*
 мы испугаться-AOR-S1PL и наружу убежать-AOR-S1PL
 'Мы испугались и на улицу убежали' [Там же, с. 98].

В. Коррелятивная конструкция типа ‘сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q’:

- (27) *қаи-п қыз-а-ндъ, на: и қадё:-шп-ет!*
 что-ACC хотеть-AOR-S2 это и говорить-DUR-OIMP2
 ‘Что хочешь, то и говори’ [Дульзон, 1966а, с. 114].

На схеме (рис. 3), организованной по уже известному принципу (см. рис. 1, 2), сопоставляются функции трех рассмотренных элементов васыганского селькупского и русского союза *и*.

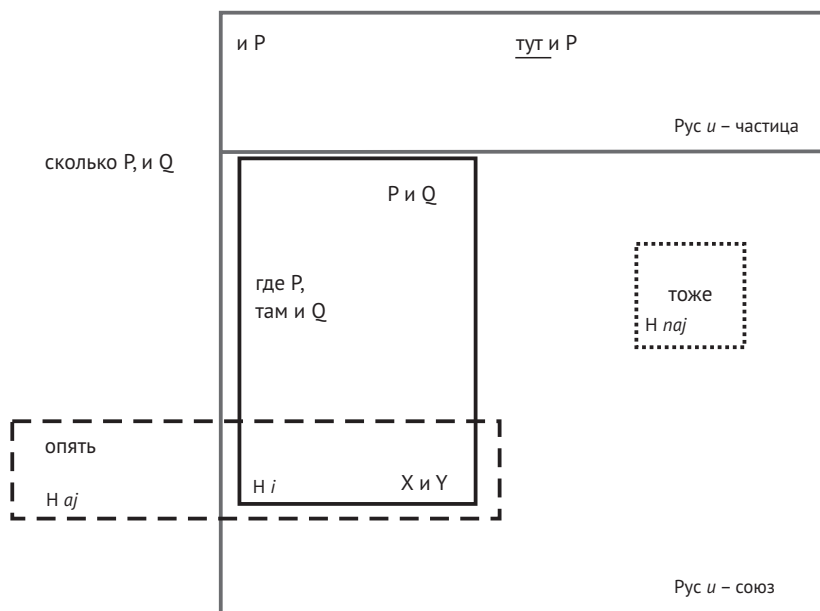

Рис. 3. Семантическая карта *aj*, *naj* и *i* в васыганском диалекте в сопоставлении с русским *и*

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в васыганском (сплошная черная линия), *aj* в васыганском (пунктирная линия), *naj* в васыганском (пунктир точками)

Fig. 3. Semantic map of *aj*, *naj* and *i* in the Vasyugan dialect (Selkup) in comparison with Russian conjunction *i* 'and'

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), borrowed from Russian of the element *i* in Vasyugan (solid black line), *aj* in Vasyugan (dashed line with long strokes), *naj* in Vasyugan (dotted line)

В васюганском диалекте заимствование происходило также в соответствии с моделью 2: функционал *i* в васюганском селькупском существенно ближе к функционалу русского союза, чем к функционалу какого-либо исконного селькупского элемента (см. рис. 3). Хотя в северном селькупском заимствование *i* также соответствует модели 2, васюганский отличается от северного селькупского. Так, в васюганском единица *i* имеет более широкий набор функций, соответствующих функциям русского союза *и* (*i* маркирует сочинительную связь между конъюнктами/клаузами и выступает в коррелятивной конструкции – синтаксически более сложной, чем простая сочинительная конструкция). Что касается северного, в нем *i* имеет единственную функцию, самую частотную и у русского *и*, – функцию маркирования сочинительной связи между конъюнктами/клаузами¹⁰.

2.4. *Aj* и *i* в верхнеобском диалекте

2.4.1. *Aj/εj* в верхнеобском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (28) *кворгы-н* *олы-т* *тйюй* *затчь* ***ай*** *чумбене-н*
 медведь-GEN голова-GEN огонь искра и волк-GEN
оли *тйюй* *чатчь* *ня-м-ды*
 голова-ATTR огонь искра RECIPR-ACC-3
натан-ны-т
 подвинуть-AOR-S3PL
 'головня медвежья голова и головня волчья голова вместе
 сдвинулись' [Григоровский, 1879, с. 39].

¹⁰ На мой взгляд, заимствование полисемантического элемента в нескольких функциях может происходить в следующих принципиально разных случаях:

- если заимствование происходит в соответствии с моделью 1, полисемия у заимствованного элемента может возникать за счет того, что он отождествляется с некоторым подмножеством функций исконного для языка-реципиента полисемичного элемента;
- если заимствование происходит в соответствии с моделью 2, эта ситуация, по всей видимости, исключает влияние системы языка-реципиента (модель 1 предполагает семантическое доминирование языковой системы языка-реципиента, тогда как модель 2 предполагает семантическое доминирование системы языка-донора). В этом случае заимствование полисемичного в языке-доноре элемента в единственной функции (как *i* в северном селькупском) или в нескольких функциях (как *i* в васюганском) может свидетельствовать о разных социолингвистических параметрах контактной ситуации. Можно предполагать, что в случае васюганского стадия устойчивого билингвизма была более длительной, чем в случае северного диалекта: северный диалект вступил в контакт с русским языком позже васюганского, но переход к стадии смены языка был более резким.

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('Р, и (затем) Q')

- (29) *Насакын эра-м на ком чозка по-зе*
 потом старик-ACC этот человек тонкий прут-INSTR
кетте-мба-н ай таб сыр-ле ме-гу-мба-н.
 ударить-INFER-S3 и он корова-TRANSL сделать-RFL-INFER-S3
 'Тогда тот человек ударил старика тонким прутом, и он сделался коровою' [Григоровский, 1879, с. 28].

В. 'Опять'

- (30) *Эра понго-н-ть ау ё-т саге-ны-т илле*
 старик сеть-GEN-3 и вода-DLAT ставить-AOR-O3 вниз
 'Старик опять ставит сеть в воду' [Там же, с. 31].

Г. 'Тоже'

- (31) *ман ванчó-у ам-нё-л ай квóгер*
 я нельма-1 съест-АОР-О2 и осетр
ái áм-да-л
 и съест-LATENT-O2
 'Мою нельму съел и осетра тоже съел' [Там же, с. 32].

Д. Конструкция «Р, *ninto* ... *aj* Q» 'Р, тут ... и Q'. В этой конструкции вторая клауза начинается с *ninto* 'сейчас', элемент *aj* может находиться внутри второй клаузы (а не непосредственно в постпозиции к *ninto*).

- (32) *Сыдымдétти нánчо-гын почóльджи-т, нýнто*
 второй.раз живот-LOC ткнуть.AOR-O3 сейчас
нánче-т ай кóры-т
 живот-3 и распороть.AOR-O3
 'В другой раз ткнул <ножом> ему в брюхо, тут брюхо и распорол' [Там же, с. 33].
- (33) *тэйербо-у, што илле нанчи-т эан,*
 думать.AOR-O1 что внизу живот-3 быть.LATENT.S3
па-н пряма мачкольджи-за-у ай кор-за-у,
 нож-GEN прямо ткнуть-PRAET-O1 и распороть-PRAET-O1
нындо ай каты-ку-за-у
 сейчас и где.то.быть-RFL-PRAET-O1
 'Я подумал, что брюхо <проглотившей меня рыбы внизу>, и прямо ножом ткнул, и распорол, тут и дух из меня вон'
 Там же, с. 34].

2.4.2.1 в верхнеобском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (34) *кворг и чумбыне утыр-а-г*
 медведь и волк остановиться-AOR-S3DU
 'Медведь и волк остановились' [Григоровский, 1879, с. 41].

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('Р, и (затем) Q'):

- (35) *чарка-н-т гамджи-т и эра-н кыба*
 рюмка-GEN-3 налить-AOR-O3 и старик-GEN маленький
и-нды-ни ного-ны-т
 сын-3-ILL протянуть-AOR-O3
 'Наливает рюмку и подносит младшему сыну старика'
 [Там же, с. 40].

В. Коррелятивная конструкция типа 'сколько/где/когда/какой Р, столько/там/тогда/такой Q':

- (36) *кунтар таб-не еу-т т'ар-за-н кыба*
 как он-ILL мать-3 сказать-PRAET-S3 маленький
д'епка-ка-не тап н'и'д'зинг и ме:-ва-т
 девка-DIM-ILL он так и сделать-AOR-O3
 'Как ей мать сказала, маленькой девке, она так и сделала'
 [Дульзон, 1966б, с. 140]

Г. Конструкция «Р, *njinto* ... *i* Q» 'Р, тут ... и Q'.

- (37) *ангу тигуль-гв-ель-т, нынто и*
 сон давить-НАВ-INCH-AOR-O3 тут и
кондо-л-ба-Ø
 уснуть-INCH-INFER-S3
 'Стал его одолевать сон, тут он и уснул' [Григоровский, 1879, с. 40].
- (38) *Ас кундыгын амда-н, нынто и квыол*
 не долго сидеть-AOR-S3 теперь и рыба
пон-гын к'ар-зу-т
 сеть-LOC попасть-PRAET-O3
 'Не долго сидит, тут и попала в сеть рыба' [Там же, с. 32].

Д. Конструкция с предглагольным употреблением *i*, в которой *i*, как и его русский прототип, имеет функции частицы.

(39) *Эрай, тан кван-к. А он-д таб-ни уто-зе*
 старик ты идти-simp2 а сам-3 он-ill рука-instr
адолджи-мба-т. Вот эра и кван-ба-н
 показать-infer-o3 вот старик и пойти-infer-s3
 ‘«Ты старик, иди!» А сам показал ему рукою. Вот старик
 и пошел’ [Григоровский, 1879, с. 27].

(40) *Нынгонт мит-лебе, кю някыл-ба-т.*
 туда дойти-cvv течение тянуть-infer-o3
А таб и чаже-н.
 а он и идти-aor-s3
 ‘Когда он подплыл туда на лодке, его потянуло течением.
 А он и плывет себе’ [Там же, с. 30].

(41) *Пюгульджи-т квогер чангва-н. На эра*
 щупать.aor-o3 осетр не.иметься.aor-s3 этот старик
й чары-н
 и говорить.aor-s3
 ‘<Старик> ищет ощупью – а осетра нет. Ну, старик и говорит: <...>
 [Там же, с. 32].

На схеме, представленной на рис. 4, сопоставляются функции двух рассмотренных элементов верхнеобского селькупского и русского союза *и*.

Заемствование в верхнеобской диалект происходило также в соответствии с моделью 2: функции *i* в верхнеобском селькупском ближе к функциям русского прототипа, чем к набору функций исконного селькупского показателя *aj* в этом диалекте (см. рис. 3). При этом полисемия *i* в верхнеобском более разветвленная, чем в васюганском: здесь сфера употребления *i* фактически совпадает со сферой употребления его прототипа в русском языке, распространяясь на более редкие обороты, где *и* выступает не в роли союза, а в роли дискурсивной частицы (типа *ну, старик и говорит*). При этом, как кажется, заимствование *i* мало повлияло на употребления исконного элемента *aj*: он сохраняет широкий круг употреблений, в том числе таких, которые дублируют употребления заимствованного *i*. На рис. 4 наглядно показано, что, с одной стороны, *aj* сохраняет за собой те контексты, в которых его употребление дублируется новым, заимствованным элементом, с другой стороны, *aj* не приобретает новых функций, которые не были бы ему свойственны изначально и теоретически могли появиться при отождествлении его с заимствованным элементом.

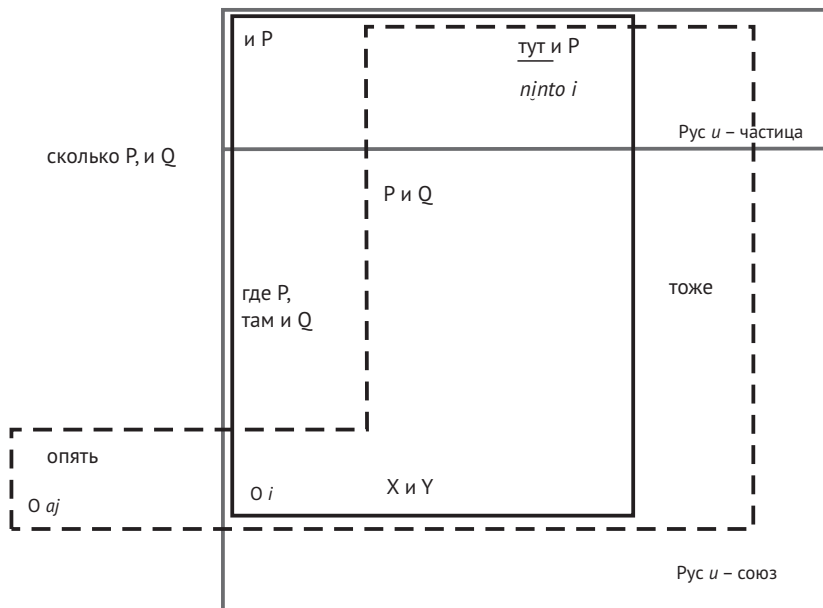

Рис. 4. Семантическая карта *aj* и *i* в верхнеобском диалекте

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в верхнеобском (сплошная черная линия), исконный элемент *aj* (пунктирная линия)

Fig. 4. Semantic map of *aj* and *i* in the Upper Ob dialect (Selkup)

Functional areas: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), borrowed from Russian of the element *i* in Upper Ob dialect (solid black line), *aj* in Upper Ob dialect (dashed line with long strokes)

2.5. *Aj* и *i* в кетском диалекте

2.5.1. *Aj* в кетском диалекте

А. 'Опять'

- (42) *Nenna* ***aj*** *na* *pendže-l-dže-Ø*
 потом опять это плыть.по.течению-INCH-LATENT-S3
 'Потом опять по течению поплыл' (Do. Ms.)

2.5.2. *i* в кетском диалекте

А. Собственно сочинительная связь ('X и Y'):

- (43) *patta-m* ***i*** *nā* *tutto-m* *ī-nde-t.*
 плотва-ACC и этот карась-ACC взять-LATENT-O3
 'Он взял плотву и этого карася' (Do. Ms.)

Б. Соединение клауз, описывающих последовательные действия в нарративной цепочке ('P, и (затем) Q'):

- (44) *konne* *tʃiŋ³dʒə-nde-Ø* *i* *tobe-t*
 от.воды наступить-LATENT-S3 и нога-3
par³-ld'i-ŋ
 прилипнуть-INTENS.AOR-S3
 'Он шагнул на берег (из лодки), и его нога прилипла' (Do. Ms.)

В. Конструкция с предглагольным употреблением *i*, в которой *i*, как и его русский прототип, имеет функции частицы:

- (45) *okkur* *sej* *kāwo-n* *t'ari* *tətt³-m* *mattš-ʔ*.
 один ? обхват-GEN толстый кедр-ACC резать.AOR-O3
matš³-lewle *i* *paʔon-nə-t*.
 резать-CVB и срубить-AOR-O3
 'Он рубил кедр толщиной в ? обхватов. Рубя, и срубил' (Do. Ms.)

- (46) *I*.¹¹ *okkəɾən* *i* *tərb-a-Ø*: "kai³ŋgo *imj-am*
 PN однажды и подумать-AOR-S3 почему тетя-1
sim *na* *to-nd* *ŋgəl-gu* *assə*
 я.ACC этот озеро-DLAT пойти-INF NEG
kūrāldʒə-kku-ŋ?" *I*. *i* *nā* *to-nd* *ŋgən-na-Ø*.
 пустить-NAV.AOR-S3 PN и этот озеро-DLAT пойти-AOR-S3
 <Тетя сказала Иче не ходить на дальнее озеро.> 'Однажды Ича
 и думает: «Почему тетя сказала мне не ходить на это озеро?»
 Ну, он и пошел на это озеро' (Do. Ms.)

На схеме, представленной на рис. 5, сопоставляются функции двух рассмотренных элементов кетского селькупского и русского союза *и*.

В кетском диалекте заимствование происходило, несомненно, с опорой на модель 2: *i* в кетском употребляется в базовой функции русского союза *и*, использующегося как при сочинении клауз, так и при сочинении синтаксических составляющих более низкого уровня. Помимо союзной функции, в кетском были также скопированы употребления русского *и* в функции частицы. Таким образом, элемент *i* в кетском имеет практически ту же полисемию, что и в верхнеобском, причем эта полисемия опирается на многозначность прототипа *i* в языке-доноре, а не на его отождествление с многозначным элементом в языке-реципиенте.

¹¹ Сокращенная запись имени главного героя в тексте К. Доннера.

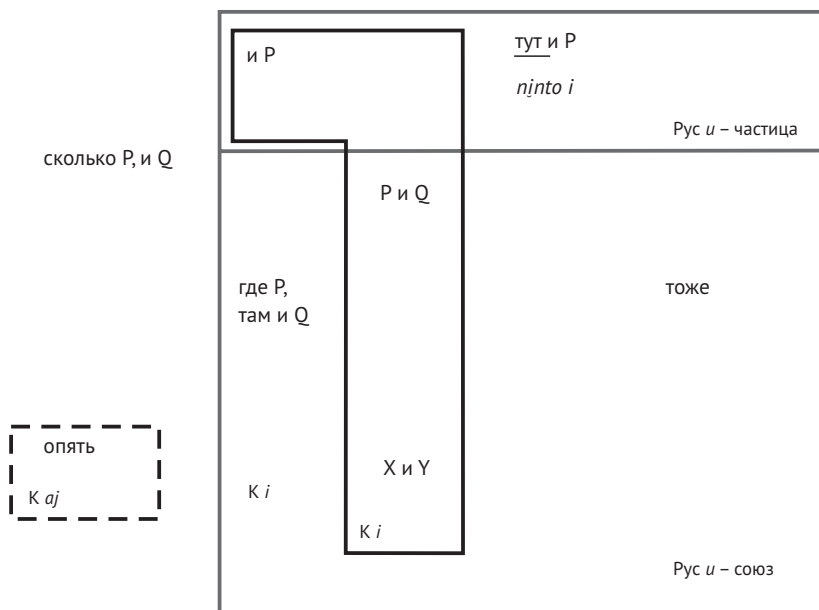

Рис. 5. Семантическая карта *aj* и *i* в кетском диалекте

Сферы функционирования: союз *и* в русском языке (сплошная серая линия), заимствованный из русского языка элемент *i* в кетском диалекте (сплошная черная линия), *aj* в кетском (пунктир длинными штрихами), *paʃ* в кетском (пунктирная линия)

Fig. 5. Semantic map of *aj* and *i* in the Ket dialect (Selkup)

Spheres of functioning: conjunction *i* 'and' in Russian (solid gray line), the element *i* in Ket dialect borrowed from Russian (solid black line), *aj* in Ket dialect (dashed line with long strokes)

3. Заимствование русского союза *и* в селькупские диалекты: основные выводы

Изложим кратко те выводы, которые можно сделать на основании изучения моделей заимствования русского *и* в селькупские диалекты.

Наиболее полисемичные употребления *i* представлены в тымском и в верхнеобском диалектах. Но в тымском диалекте эта полисемия формируется в соответствии с моделью 1 – с опорой на отождествление заимствованного элемента с функциями двух исконных элементов (*aj* и *naj*, причем первый из них, в свою очередь, обладает широким набором функций); в результате этого заимствованный элемент приобретает в том числе несвойственные его прототипу в языке-доноре значения.

Напомним, что *i* в тымском при этом не употребляется для маркирования простой сочинительной связи в конструкции вида «X и Y», хотя эта функция не только является одной из самых частотных у русского *и*, но и представлена у селькупского *aj*, на отождествление с которым опирается формирование употреблений заимствованного *i*. Я объясняю это тем, что такое отождествление может быть *избирательным*: элемент *i* востребован только в тех конструкциях, которые служат структурированию дискурса. Сугубо синтаксическая и при этом десемантизированная функция сочинения двух конъюнктов при этом может игнорироваться, хотя предпосылки для употребления *i* в этой функции могут создавать и язык-донор, и язык-реципиент.

В верхнеобском полисемия *i* формируется с опорой на модель 2: повторяется многозначность заимствуемого элемента в языке-доноре, копируются употребления *i* как в функции союза, так и в функции частицы. Практически так же ведет себя заимствованный *i* в кетском диалекте.

В васюганском и в северном селькупском заимствование также происходит в соответствии с моделью 2, однако в этих диалектах *i* повторяет только союзные функции русского *и*. Наиболее узкая сфера употребления *i* характеризует северный диалект, в котором это заимствование появляется только в текстах второй половины XX в. Здесь *i* дублирует самые частотные функции *и*, которые одновременно с частотностью характеризуются наименьшими требованиями к синтаксической и дискурсивной сложности конструкции: в северном селькупском *i* употребляется только при сочинении клауз и при сочинении синтаксических групп более низкого уровня.

Любопытно также сопоставить материал тех четырех диалектов, в которых заимствование *i* регулируется моделью 2 в отношении употребления исконного элемента *aj*¹². Использование модели 2 предполагает ориентацию на систему языка-донора, и теоретически можно предполагать, что это отразится и на функциях исконных элементов, близких по значению к элементу заимствованному. Мы видели, что сферы употребления *i* (не выходящие за рамки союзных) практически совпадают в васюганском и в северном селькупском; однако в васюганском *aj* имеет значительно меньше функций, чем в северном диалекте. Еще более показательным это сопоставление в случае верхнеобского и кетского, где *i* был воспринят не только в функции союза, но и в функции частицы. Несмотря на практически идентичные функции заимствованного *i*

¹² Тымский материал здесь непоказателен, т.к. заимствование *i* в тымский происходит в соответствии с моделью 1, т.е. «с позиции силы»: заимствованный элемент употребляется по модели исконного, и потому мало может повлиять на последнюю.

в верхнеобском и кетском, употребления *aj* в этих двух диалектах кардинально различаются: в верхнеобском *aj* представлен в языковой системе как активно употребляющаяся многозначная единица, тогда как в кетском употребления *aj* ограничены значением 'опять'.

Эти наблюдения над употреблением *aj* подтверждают утверждение Я. Матраса о том, что в случае заимствования не происходит конвергенции (адаптации семантики и сферы употребления исконного элемента таким образом, чтобы он становился фактически репликой некоторого элемента из L2). С его точки зрения, такое заимствование происходит в результате другого процесса, который он называет фузией и определяет как односторонний перенос лингвистического материала со всеми связанными с ним функциями из L2 в L1. На начальном этапе процесса фузии в распоряжении говорящих образуется два набора дискурсивных элементов: исконный и заимствованный. Чтобы снизить когнитивную нагрузку, они делают (неосознанный) выбор в пользу набора элементов из прагматически доминирующего L2. Однако Я. Матрас не рассматривает, что же на самом деле происходит с исконной системой, сближается ли она с системой заимствованной (в частности, он НЕ показывает, что сосуществование двух систем НЕ проходит через стадию конвергенции): для его модели оказывается достаточным понимать, что финальной стадией процесса фузии является отказ от системы исконных дискурсивных маркеров. Таким образом, Я. Матрас, в общем, не говорит ничего о том, что происходит с исконной системой дискурсивных маркеров на этапе, предшествующем отказу от нее в результате действия механизмов фузии.

Данные селькупских диалектов демонстрируют, что при заимствовании дискурсивных элементов их близкие аналоги продолжают развиваться независимо в соответствии со внутренней логикой исконной языковой системы, и их употребления, во-первых, не подстраиваются под употребления заимствованных элементов, во-вторых, если и редуцируются под влиянием заимствованных элементов, то редукция эта, во всяком случае, не носит обязательного характера.

Библиографический список / References

Быконя, 1981 – Быконя В.В. Сказка и бытовые тексты (Напас) // Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1981. С. 137–139. [Bykonya V.V. Fairy tale and everyday texts (Napas). *Skazki narodov Sibirskogo Severa*. Tomsk, 1981. Pp. 137–139. (In Rus.)]

Григоровский, 1879 – Григоровский Н.П. Азбука сѣссогой гѣлани. Казань, 1879. [Grigorovskiy N.P. *Azbuka syússogoy gúlani* [The Alphabet for Selkups]. Kazan, 1879.]

Дульзон, 1966а – Дульзон А.П. Селькупские сказки. Томск, 1966. [Dulzon A.P. Selkupskie skazki [Selkup fairy tails]. Tomsk, 1966.]

Дульзон, 1966б – Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966. [Dulzon A.P. Ketskiye skazki [Ket fairy tails]. Tomsk, 1966.]

Кузнецова и др., 1993 – Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Т. 2. М., 1993. [Kuznetsova A.I., Kazakevich O.A., Ioffe L.Yu., Khelimsky E.A. Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. 2. Moscow, 1993.]

Прокофьев, 1935 – Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская грамматика). Л., 1935. [Prokofyev G.N. Selkupskaya (ostyako-samoyedskaya grammatika) [Selkup (Ostyak-Samoyed) Grammar]. Leningrad, 1935.]

Alatalo, 2004 – Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki, 2004.

Matras, 1998 – Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing. *Linguistics*. 1998. Vol. 36–2. Pp. 281–331. DOI: 10.1515/ling.1998.36.2.281

Thomason, Kaufman, 1988 – Thomason S.G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.

Статья поступила в редакцию 29.12.2022

The article was received on 29.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Урманчиева Анна Юрьевна – кандидат филологических наук; старший научный сотрудник отдела языков народов России, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

Anna Yu. Urmanchieva – PhD in Philology; senior researcher at the Department of the Languages of Russia, Institute of Linguistic Studies, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3045-3807>

E-mail: urmanna@yandex.ru

УДК: 811.11-112 : 801.7

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

И.А. Шипова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Модальные глаголы как средство выразительности в художественном тексте (на материале романа «Качели дыхания» Г. Мюллер)

В статье рассматриваются модальные глаголы немецкого языка в качестве элементов языковой системы, которые могут выступать в художественном тексте не только в качестве актуализаторов разных типов модальности, но и в роли средств языковой выразительности. В тексте романа Г. Мюллер «Качели дыхания» (Herta Müller “Atemschaukel”) созданы необходимые предпосылки для реализации выразительного потенциала модальных глаголов. Корпус примеров демонстрирует, что концентрация модальных смыслов на малых объемах текста, контактное расположение маркеров недейктической и дейктической модальности, их комбинаторное сочетание, противопоставление значений необходимости, возможности, желательности или нежелательности интенсифицируют экспрессивность содержания. С помощью вариативного использования модальных глаголов автор образно представляет ситуацию насилия и принуждения, которые составляют доминантные смыслы повествования.

Ключевые слова: художественный текст, дейктическая (эпистемическая) модальность, недейктическая (деонтическая) модальность, аккумуляция модальных смыслов, конфронтация модальных смыслов, смысловые доминанты повествования

© Шипова И.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шипова И.А. Модальные глаголы как средство выразительности в художественном тексте (на материале романа «Качели дыхания» Г. Мюллер) // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 58–76. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

I. Shipova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Modal verbs as a means of expression in a literary text (based on the novel “Atemschaukel” (“The Swing of Breathing”) by H. Müller)

The article considers modal verbs in German as elements of the language system, which can act in a literary text not only as actualizers of different types of modality, but also as means of linguistic expressiveness. In the text of H. Müller’s novel “The Swing of Breathing” (Herta Müller “Atemschaukel”), we find the necessary prerequisites for the realization of the expressive potential of modal verbs. The corpus of examples demonstrates that the concentration of modal meanings in rather small parts of the text, the contact arrangement of markers of non-deictic and deictic modality, their combinatorial combination, the juxtaposition of the meanings of necessity, possibility, desirability or undesirability intensify the expressiveness of the content. With the help of the variable use of modal verbs, the author figuratively represents the situation of violence and coercion, which constitute the dominant meanings of the narrative.

Key words: literary text, deictic (epistemic) modality, non-deictic (deontic) modality, accumulation of modal meanings, confrontation of modal meanings, semantic dominants of the narrative

FOR CITATION: Shipova I. Modal verbs as a means of expression in a literary text (based on the novel "Atemschaukel" ("The Swing of Breathing") by H. Müller). *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 58–76. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

1. Введение

Модальные глаголы – одно из важнейших средств выражения категории модальности, хотя далеко не единственное. В зависимости от видов и способов выражения данной категории и контекста их использования модальность может существовать отдельно от пропозиции, т.е. отдельно от смысла (Р. Карнап) [цит. по: Степанов, 1981, с. 30–32], или может быть частью изображаемого мира, что подразумевает интеграцию модального значения в пропозицию и взаимодействие с ней [Fritz, 2021, S. 64]. Тогда это – нечто дополняющее предикативность, непосредственно актуализирующее и конкретизирующее ее в речи [Ильина, 2013, с. 11], а значит, и в тексте.

Модальные глаголы как один из значимых элементов языковой системы выделяются своей семантической направленностью, поскольку они не выражают какого-либо действия, его результат или состояние, а передают в предложении отношение референта-подлежащего к этому действию/состоянию или оценку его вероятности. Как правило, они дополняются смысловыми глаголами в форме инфинитива, передавая при этом значение необходимости, возможности, долженствования, волеизъявления, с одной стороны, или допущения, предположения или сомнения – с другой.

По мнению Е.В. Ильиной, художественный текст «наиболее полно отражает работу человеческого сознания по созданию с помощью средств языка индивидуального модализированного видения мира» [Там же, с. 6], поэтому представляется, что роль модальных глаголов в усилении выразительности данного типа текста может быть весьма значимой. В то же время, для того чтобы эти глаголы проявили себя как средство яркой образности, в тексте должны быть определенные предпосылки, позволяющие этот потенциал реализовать. В качестве таковых мы выделяем:

- 1) частотность модальных глаголов в тексте и актуализацию с их помощью модальных значений высокой плотности;
- 2) их контактное расположение, производящее эффект конфронтации модальных смыслов;
- 3) содержание текста, смысловые доминанты которого обеспечивают высокое эмоциональное напряжение.

2. Терминологические пояснения

Перечисленные выше предпосылки мы находим в тексте романа Герты Мюллер «Качели дыхания» (Herta Müller “Atemschaukel”), за который автор была удостоена Нобелевской премии по литературе в 2009 г. Проблематика романа связана с вопросами проживания человеком комплекса сложнейших негативных эмоций, которые герой истории испытывает в трудовом лагере в Донбассе, куда он как немец румынского происхождения попадает в 1945 г. в возрасте 17 лет, будучи репрессированным вместе с такими же, как он, «пособниками нацистов». Тема политического насилия, часто ничего общего не имеющая с понятиями справедливости или какой-либо оправданности, становится в этом произведении доминирующей, в результате чего общеполитические категории необходимости, возможности, долженствования и волеизъявления часто важнее выражения непосредственного значения пропозиции высказывания, поскольку само действие становится вторичным, а необходимость, возможность или невозможность его выполнения выходит на передний план. В результате более важными становятся супraseгментные, макролингвистические, «жанровые» параметры, которые и обуславливают особое, специфическое прочтение модальных глаголов в соответствующем контексте.

Модальные глаголы немецкого языка в данном тексте выступают во всех возможных модальных значениях, виды которых менялись с течением времени и были сформированы не сразу. Так, в средненемецком языке (1050–1350 гг.) единственная модальная семантика немецких глаголов, изначально сводимая к передаче необходимости, возможности и волеизъявления, получила определенное расширение. На новом этапе развития языка модальные глаголы стали играть роль «индикаторов уверенности и предположения говорящего относительно реальности события» [Котин, 2018, с. 138], а глаголы *sollen* и *wollen* выступили еще и средством передачи речи третьего лица. Для дифференциации первой и второй функций в лингвистике в XX в. использовались введенные в 1970 г. Ж. Фурке [Fourquet, 1970, S. 154–161] обозначения объективная и субъективная модальность, которые можно встретить в лингвистических работах и сейчас. Для последних двух глаголов был введен термин эвиденциальность [Aikhenvald, 2004, p. 12]. Относительно таких явлений, как названные немецкие глаголы, А.Ю. Айхенвальд высказывает мнение, что они, не являясь маркерами эвиденциальности в чистом виде (evidentials), приобретают некоторые семантические надстройки (semantic extensions), которые непосредственно связаны со значением указания на источник информации. Поэтому их правомерно причисляют к так называемым

«эвиденциальным стратегиям» (evidentiality strategy) [Aikhenvald, 2004, p. 105; Бабёр, 2012, с. 60]. В русском языке принят также термин «засвидетельствованность» [Козинцева, 2007, с. 13].

В современной германистике для обозначения объективной модальности чаще используется термин «деонтическая», для субъективной – «эпистемическая» модальность. Представляя эту дихотомию, М.Л. Котин [Kotin, 2007, p. 248] пишет, что она многократно упоминается в научной литературе [Öhlschläger, 1989; Thieroff, 1992; Helbig, 1995; Hundt, 2003]. В таком случае термин «деонтическая модальность» выступает как обобщающее понятие для всего спектра лексических модальных значений.

Габриэле Дивальд предложила свою терминологию, получившую большое распространение в зарубежной германистике. Так, для противопоставления объективной (деонтической) и субъективной (эпистемической) модальности она использует выражения дейктическая и недейктическая модальность [Diewald, 1999]. Автор исходит из того, что основной позиции субъекта речи является дейксис, не имеющий референтного значения вне контекста и обусловленный точкой отсчета для характеристики конкретных параметров высказывания – Ориго (я, здесь, сейчас). В том случае, если модальные глаголы выражают возможность, необходимость, запрет или желание, они объективно дополняют семантику пропозиции и выступают в роли операторов недейктической модальности. В ее рамках Г. Дивальд выделяет деонтическую модальность (deontische Modalität), выражаемую с помощью глаголов *müssen* и *sollen*, волитивную (volitive Modalität), представляемую глаголом *wollen*, диспозиционную (dispositionelle Modalität), средством выражения которой служат глаголы *können* и *dürfen* [Там же, с. 74] и некоторые другие разновидности модальности.

Когда выражение отношения к действию, которое, предположительно, произошло или произойдет, оценивается субъектом речи с опорой на субъективные доводы, оно обусловлено дейктичностью ситуации, поэтому Г. Дивальд обозначает его термином дейктическая модальность. Этот вид модальности может быть маркирован включенностью Ориго (origoinklusive Lesart) или его невключенностью (origoexklusive Lesart), если в высказывании нет сигналов, указывающих на какой-либо аргумент говорящего в пользу достоверности сделанного предположения. Как правило, позиция Ориго маркируется различными модальными элементами, например, модальными словами, которые указывают на степень фактичности (истинности) пропозиции или ее нефактичности [Там же, с. 242].

В данной работе мы опираемся на концепцию Г. Дивальд и остаемся в рамках ее терминологической системы.

3. Доминирующие модальные смыслы текста романа

Как было сказано выше, для текста романа Г. Мюллер «Качели дыхания» характерна повышенная частотность модальных глаголов, которые выступают во всех видах модальных значений. Доминирование определенных сюжетных линий актуализирует те модальные смыслы, которые наиболее адекватно отображают нужды, потребности и желания протагониста романа Лео Ауберга. Так, в начале повествования, когда семнадцатилетний юноша, живущий с родителями, разделяющими идеалы нацизма, готов уехать из небольшого румынского города Германштадта даже в трудовой лагерь в чужой стране, в рамках недейктической модальности в семантике глаголов выявляются волиитивность (желательность) и деонтичность (долженствование), выраженные с помощью глаголов *wollen* и *müssen*. Доминирующим модальным смыслом в этом случае остается желание рассказчика как можно скорее уехать оттуда, где его не понимают, и радоваться, что не надо идти на фронт:

- (1) *Ich wollte weg aus dem Fingerhut der Kleinstadt, wo alle Steine Augen hatten.*¹ (Хотелось выбраться из болотца маленького города, где ты всегда на глазах².)
- (2) *Ich wollte weg aus der Familie und sei es ins Lager.* (Я хотел выбраться из семьи, пусть даже в лагерь.)
- (3) *Ich war auch froh, dass ich nicht in den Krieg ziehen muss, in den Schnee an die Front.* (К тому же я радовался, что мне не нужно на войну, на фронт, в снега.)

В части романа, где описывается пребывание протагониста в трудовом лагере со всеми его потенциальными и реальными угрозами для жизни отдельного человека, модальные глаголы служат средством усиления чувства несвободы, зависимости от чужой воли и подчиненности ей. Примеры (4)–(8) демонстрируют, как модальные глаголы без включенности Ориго реализуют недейктическую модальность, в которой отражается зависимость совершаемых действий от воли третьих лиц.

Источник указания – некая предписывающая инстанция, может быть обозначена, как это представлено в примерах (4) и (5), где использование немаркированного глагола *müssen* в контексте, предполагающем употребление маркированного *sollen* как индикатора внешней инстанции

¹ Здесь и далее текст романа приведен по изданию: Müller H. Atemschaukel: Roman. Fischer Taschenbuch Verlag, 2011.

² Здесь и далее перевод приведен по изданию: Мюллер Г. Качели дыхания / Пер. М.А. Белорусец. СПб., 2013.

деонтики, можно рассматривать как отождествление приказа с объективной необходимостью. Таким образом в тексте снимается дистанция между долженствованием, имеющим своим источником чужую волю, и объективной необходимостью, релятивируемой посредством дифференциации сигналов модальности в виде глаголов *müssen* и *sollen*.

(4) *Der Brigadier schrie: Auf Zement **muss** man aufpassen.* (Бригадир кричал: следить нужно за цементом.)

(5) *Der Vorarbeiter schrie: Zement **muss** man sparen.* (Десятник кричал: экономить нужно цемент.)

В примерах (6)–(8) предписывающая инстанция не обозначена, но очевидно, что в них речь идет о наличии некоего актора, предопределяющего действия определенной общности людей через принудительный запрет, как в (6), или разрешение, как в (7) и (8).

(6) *Und wenn der Wind ging: Zement **darf** nicht wegfliegen.* (А когда ветер: нельзя, чтоб разлетался цемент.)

(7) *Wir **dürfen** hie und da samstags tanzen bis nachts um Viertel vor zwölf.* (Нам разрешают иногда устраивать танцы по субботам, до без четверти двенадцать.)

(8) *Im letzten Lagerjahr bekamen wir für unsere Arbeit Geld auf die Hand. Wir **konnten** einkaufen auf dem Basar.* (В последний лагерный год мы за работу получали на руки деньги и могли покупать еду на базаре.)

Важно также отметить, что и в примерах (7), (8) представлена диспозитивная модальность, в рамках которой задаются две возможные в немецком языке опции: с глаголом *dürfen* (7) – для «позволения» в условиях ограниченной свободы действий, и с глаголом *können* (8) – для выражения объективной возможности [Kotin, 2012, p. 141], что в последнем случае поясняется через контекст.

В тексте периодически возникают воспоминания героя о времени его жизни на родине, эти эпизоды в форме ретроспекции как приема структурной организации художественного текста позволяют показать разницу во внутренних ощущениях человека, находящегося в принципиально различных условиях существования. Использование одних и тех же модальных глаголов в (9) и в (4)–(8) приобретают в предлагаемых контекстах отличные друг от друга семантические оттенки. Эпизоды воспоминаний скрашивают тяжкую реальность жизни в чужой стране в условиях принудительного труда и постоянного чувства голода:

- (9) *Wir **durften** an diesem Tag alles essen, was wir **wollten**, und so viel wir **konnten**.* (В этот день мы могли есть всё, что пожелаем, и сколько влезет.)

В конце романа герой возвращается домой, но его психика, его мироощущение не дарит ему ни надежд, ни уверенности в себе, поэтому модальные глаголы в новом контексте используются с маркерами включенности Ориго в оценку предположений, которые делает говорящий субъект. Поскольку повествование в романе ведется от первого лица, Ориго так или иначе присутствует в тексте практически во всех высказываниях, в которых описываются происходящие с нарратором события, тем более, его чувства и мысли. Модальные глаголы в сочетании с модальными словами могут создавать дополнительный выразительный эффект благодаря наложению семантики дейктической модальности на недейктическую:

- (10) ***Vielleicht** hätte ich **lachen sollen**, wenn ich nach Hause kam. **Vielleicht** hätte ich sie **bedauern oder beschimpfen sollen**. **Vielleicht** hätte ich den kleinen Robert **küssen sollen**. **Vielleicht** hätte ich **sagen sollen**, dass ich mit ihnen Geduld brauche, weil ich sie liebe. Nur, wie **sollte** ich das **sagen**, wenn ich es mir nicht einmal im Stillen **denken konnte**.* (Возможно, мне полагалось, придя домой, посмеяться вместе с ними. Возможно, мне следовало их пожалеть или отругать. Возможно, я должен был поцеловать маленького Роберта. Возможно, должен был сказать, что мне с ними нужно запастись терпением, потому что я их люблю. Но как мне такое сказать, если я даже не могу подумать об этом про себя.)

Пример (10) иллюстрирует сложное сочетание деонтической модальности, переданное с помощью глагола *sollen* с модальным словом *vielleicht*, отражающим позицию Ориго, и плюсквамперфектом конъюктива смыслового глагола, благодаря чему в тексте возникает напряжение через комбинацию выражения необходимости, потенциальной возможности и неуверенности в реализуемости какого-либо из действий, заложенных в пропозиции. Отсутствие вопросительного знака в ряду однотипно построенных предложений делает их интеррогативную интонацию как бы имплицитной. Однако повтор глагола *sollen* свидетельствует о том, что фрагмент представляет собой вопросный комплекс. Очевидно также, что кроме модальных глаголов в этом фрагменте текста эффект экспрессивности возникает и благодаря анафорическому повтору модального слова *vielleicht*, и синтаксическому параллелизму четырех предложений. Все же структурная завершенность всего сегмента

не имела бы такой образности, если бы в нем не противопоставлялись друг другу два важных смысла: долженствования и возможности, выраженные глаголами *sollen – können*.

На наш взгляд, именно в таких сочетаниях, отражающих смысловой конфликт в понятиях необходимости и возможности, долженствования и волеизъявления, и кроется выразительный потенциал модальных глаголов, которые в названном тексте дополняют смысловую доминанту повествования: неприемлемости насилия над человеческой личностью.

Таким образом, в рамках каждого из тематических блоков модальные смыслы, выраженные модальными глаголами, приобретают тот вариант их прочтения, который диктуется соответствующим контекстом.

4. Модальные глаголы как операторы недейктической модальности

В тексте романа ярко и образно представлены сцены описания жизни в трудовом лагере. Изображение событий с позиции субъективного восприятия необходимости, возможности, долженствования или волеизъявления комбинируется с текстовым окружением, что предполагает неконвенциональные варианты прочтения модальных глаголов. Приведем пример:

(11) *Ich darf mich nicht fürchten, dachte ich, sonst ertrinke ich.*

(Мне нельзя бояться, – уговаривал я себя, не то – пропаду.)

Диспозиционная модальность в (11) обозначает разрешение со стороны некой предписывающей инстанции, но оно актуализируется в примере как отражение внутреннего расщепления позиции нарратора, при котором запрет исходит от самого субъекта речи. Использование глагола *dürfen* в таком контексте отражает внутренний эмоционально окрашенный императив.

4.1. Вариативность повествующего субъекта

В тексте романа базовая повествовательная перспектива рассказчика от первого лица определяет, в каком направлении идет восприятие модализованной пропозиции, что иллюстрирует пример (12):

(12) *Warum will ich nachts das Recht auf mein Elend haben. Warum kann ich nicht frei sein.* (Почему по ночам я хочу иметь право на свое злосчастье? Почему не могу окончательно освободиться?)

Общность судьбы всех, находящихся в лагере, передает местоимение 1 л. мн. ч., что представлено в примере (13):

- (13) *Im hohen Schnee an der Rückseite der Fabrik, wo das Brachland anfang, **mussten wir** uns vor dem gemauerten Zaun in Reihen aufstellen und waten.* (За заводской территорией, где начинался пустырь, нам приказали построиться в глубоком снегу перед глухим кирпичным забором и ждать.)

Но чаще идентификация рассказчика с теми людьми, которые его окружают и с которыми он связан повседневным тяжелым трудом, происходит, когда местоимение 1 л. ед. ч. выступает аналогом неопределенно-личного местоимения *man*, что отражает деперсонификацию человека в условиях общего подчинения, как в (14)–(16).

- (14) ***Man** schuftet und hört seinen eigenen Herzschlag und: Zement **muss man** sparen, auf Zement **muss man** aufpassen, Zement **darf** nicht nass werden, Zement **darf** nicht wegfliegen.* (Надрываешься и слышишь, как выстукивает твоё сердце: беречь цемент нужно, глаз за цементом нужен, промокнуть цемент не должен, разлетаться цемент не смеет.)

В (14) модальность глаголов *müssen* и *dürfen* отражает предписания внешней инстанции всем и каждому. Размывание субъектности очевидно и в (15), где глагол маркирует объективную возможность:

- (15) *Meinen **kann man** allerhand. Wissen **kann man** es nicht.*
(Предполагать можно разное. Но знать наверняка ничего нельзя.)

Примеры (14) и (16) иллюстрируют, как общность восприятия позиции *ich* и *man* в русской версии романа (переводчик М.А. Белорусец) дана через идентификацию субъекта высказывания в форме местоимения 2 л. ед. ч. – *ты*. Хотя ссылка на перевод в качестве доказательства предлагаемой версии трактовки текста не обязательно убедительна, в случае предложений (14) и (16) она может быть принята во внимание.

- (16) *Nur **darf** man über den Hunger nicht reden, wenn man Hunger hat.*
(Но если ты сам голодаешь, о голоде говорить нельзя.)

4.2. Включенность Ориго в высказывания с недейктической модальностью

В концепции Г. Дивальд в случае выражения недейктической модальности позиция Ориго не может быть представлена в высказывании [Diewald, 1999, p. 26]. Такая точка зрения логична и понятна, однако в тексте романа Г. Мюллер включенность повествующего-протагониста ощущается практически в каждом предложении. Терминологиче-

ски можно приписать выраженность позиции Ориго через так называемые потенциальные дейктики – элементы высказывания, которые приобретают дейктические функции в определенном текстовом окружении [Сребрянская, 2005, с. 71]. Н.А. Сребрянская считает, что потенциальные дейктики реализуются в рамках дейксиса художественного повествования, в котором создается пространственно-временная рамка произведения с оценкой событий с точки зрения наблюдателя [Там же, с. 69]. Приведем пример:

- (17) *Man **musste** in die Hocke gehen, die Knie gefedert halten, bis das Brettchen unterm Kinn ankam, dann die Ellenbogen wie Flügel spreizen und den Stein präzis abrutschen lassen. Nur so **konnte** man ihn eng neben einen anderen platzieren, ohne seine Kanten des Nachbarsteins zu verletzen.* (Для этого нужно напружинить колени и присесть, чтобы дощечка оказалась под подбородком, а затем растопырить локти наподобие крыльев и дать камню сползти прямо на предназначенное для него место. Только так он может поместиться между другими теснящимися камнями, не повредив ни своих, ни их граней.)

В этих предложениях описывается процесс формирования камней для кладки стен, которое можно рассматривать как некое протяженное событие. Деонтический глагол *müssen* и диспозиционный *können* отражают фактичность ситуации с описанием производимых действий, но дополнение *wie Flügel* ('наподобие крыльев') и ограничение *nur so* ('только так') выступают как потенциальные дейктики, отражающие позицию Ориго с перспективы его субъективной оценки описываемого процесса. Подобные элементы вносят в высказывания с модальными глаголами дополнительный элемент субъектной включенности.

4.3. Полифункциональность модальных глаголов в тексте романа

Г. Дивальд отмечает, что модальные глаголы могут менять свое значение в рамках недейктической модальности в зависимости от контекстуального окружения [Diewald, 1999]. В таком случае речь идет об их полифункциональности, которая несет в себе определенный потенциал экспрессивности и общей выразительности. Представленный материал позволяет проиллюстрировать, как варьирование семантики при этом определяется личностной позицией субъекта речи:

- (18) *Ich schlürfe laut, ich **muss** die Suppe hören. Ich zwingе mich, die Löffel nicht zuzählen. Ungezählt werden es mehr als 16 oder 19. Ich **muss** diese Zahlen vergessen.* (Я громко чавкаю, мне нужно суп слышать. Я заставляю себя не считать ложки. Если они не считаны, их больше шестнадцати, а то и девятнадцати. Лучше эти числа забыть.)

Глагол *muss* в первом предложении примера (18) передает не только долженствование (деонтичность), но и сильное эмоционально окрашенное желание (волитивность), связанное с острым чувством голода, которое надо утолять как в процессе еды, так и способом ее поглощения с характерным звуком. Во втором предложении тот же глагол остается в поле только деонтической модальности.

В примере (19) речь не идет о желании полицейских забрать молодого человека для отправки в лагерь, а о передаче их слов, т.е. согласно работам ряда лингвистов [Ханзен, 2007, с. 249; Балабаева, 2009, с. 145; Бабёр, 2012, с. 124; Аверина, Кострова, 2019, с. 115], об эвиденциальной функции глагола *wollen*:

- (19) *Die zwei Polizisten hatten sich für Mitternacht angesagt, dann **wollten** sie mich holen.* (Полицейские предупредили, что придут за мной в полночь.)

На наш взгляд, само высказывание не воспринимается как однозначное эвиденциальное, поскольку в нем присутствует и волитивный оттенок намерения, что, однако, не передается в приведенном переводе.

4.4. Парантезы с модальными глаголами в метаязыковой функции

В тексте романа периодически возникает ощущение раздвоенности позиции нарратора за счет парантез, используемых автором, скорее, в метаязыковой функции, благодаря которой описание получает дополнительную оценку происходящего, что наблюдается в (20):

- (20) *So oder so, die Nacht packt ihren schwarzen Koffer gegen meinen Willen, **das muss ich betonen**.* (Так или иначе, но ночь, хочу заметить, укладывает свой черный чемодан против моей воли.)

Это может быть также способ прокомментировать свои невысказанные мысли и замечания:

- (21) *Vor einem Erdhund muss man sich nicht schämen, **müsste ich sagen**, und nicht vor der Steppe.* (Нужно сказать Карли, что перед земляной собачкой ему стыдиться нечего, перед степью – тоже.)

- (22) *Ich **müsste** ihn wahrscheinlich fragen, wie so er Kobelian zum Maßstab macht. Ich bin überzeugt, wenn Kobelian so weit wie wir von zu Hause weg wäre, würde er Erdhunde essen, **müsste ich sagen**.* (А вот спрошу-ка я его, с какой стати мы должны равняться на Кобелиана. Будь Кобелиан так же далеко от дома, как мы, он тоже ел бы земляных собачек.)

В примерах (21) и (22) модально маркируется внутрисубъектная необходимость коннотации того, что повествователь думает о положении дел в актуальных обстоятельствах.

4.5. Роль модальных глаголов в актуализации персонификаций

Особенность всего текста романа Г. Мюллер – его метафорика. Все, что может быть превращено в метафору, превращается в нее. Не в последнюю очередь поэтому этот роман назван поэтической прозой [Prak-Derrington, 2013, p. 132], что справедливо, несмотря на описание жестокости и неумолимости обстоятельств. Метафора по большей части распространяется на персонификацию, в которой модальным глаголам также отводится определенная роль.

Диспозиционная модальность глагола *dürfen*, маркирующая разрешение предписывающей инстанции в (23), в соединении с описанием действий насекомых производит впечатление горькой иронии. Таким образом, вши, имеющие право свободно передвигаться по человеческому телу, противопоставлены людям, которым все запрещается:

- (23) *Ob Frost oder Gluthitze, ganze Abende vergingen im Stillgestanden. Nur die Läuse **durften** sich rühren an uns. Beim endlosen Durchzählen **konnten** sie sich vollsaufen und Pardegänge absolvieren über unser elendiges Fleisch...* (На морозе или на жгучей жаре мы простаивали навтыжку целый вечер. Шевелиться позволялось только вшам. Пока нас без конца пересчитывали, вши успевали насосаться крови и завершить свой многочасовой парадный марш по нашей жалкой плоти...)

В (24) глагол *können* с семантикой потенциальной возможности превращает смерть через ее персонификацию в существо, способное взаимодействовать с музыкой. То, чего все боятся, и то, что все время незримо присутствует в романе, в этом высказывании как бы оживает и движется в такт танца:

- (24) *Die Musik ermuntert den Tod, er **kann** schunkeln.* (Музыка взбадривает смерть, и та рвется танцевать.)

Благодаря персонификации с помощью глагола *wollen*, обладающего семантикой волитивной модальности, слова наделяются собственной волей и способностью напрямую воздействовать на человека:

- (25) *Es gibt Wörter, die machen mit mir, was sie **wollen**.* (Есть слова, которые делают со мной все, что им вздумается.)

Таким образом, персонификации неодушевленных существительных, в которых задействованы модельные глаголы, приобретают дополнительные свойства не просто производить действие, но и чего-то хотеть, мочь или иметь на что-то право.

5. Модальные глаголы как операторы дейктической модальности

Приведенные выше примеры иллюстрируют выразительные возможности недейктической модальности, реализованной с помощью модальных глаголов, которые в рамках данного текста становятся элементом образности. Однако основной потенциал художественной выразительности вскрывается в тексте в случаях, когда модальные глаголы становятся средством оценки субъектом речи степени фактичности ситуации, т.е. дейктической модальности. Отметим в этой связи, что особенность модальных глаголов варьировать смыслы и приобретать некоторую эмотивность уже отмечалась исследователями. Пример тому – высказывание Г. Дрёссигер, в котором утверждается, что эпистемичность как разновидность дейктической модальности обладает значительно бóльшим эмотивным потенциалом, чем деонтичность [Droessiger, 2005, S. 89]. В тексте романа это находит свое подтверждение: дейктическая модальность как способ выражения сомнения в фактичности утверждения о реальности, как отражение некоторой неуверенности, которая субъективно обусловлена, не раз передается с помощью глагола *müssen* с инфинитивом I или II.

- (26) *Es **musste** Havarien und Explosionen im Eisen der Rohre und Maschinen **gegeben haben**.* (Наверняка тут происходили аварии на трубопроводах и взрывы механизмов, покорежившие металл.)

- (27) *Es **muss** im Keller aber Substanzen **geben**, die man nicht sieht, nicht riecht und nicht schmeckt. Sie sind die hinter hältigsten.* (Однако и в подвале наверняка имеются вредные субстанции, которые ты не видишь и не ощущаешь ни запаха их, ни вкуса. Они-то самые хитрые.)

- (28) ...wenn wir jetzt im vierten Jahr und im dritten Frieden sind, **muss** es hier im Keller auch den ersten und den zweiten Frieden **gegeben haben**, so wie es einen Vorfrieden **gegeben haben muss**, ohne mich. Und so viele Tag – und Nachtschichten wie Erdschichten **muss** es im Keller hier **geben**. (Если сейчас у нас четвертый лагерьный год и третья годовщина мира, должны же были здесь, в подвале, проходить – без меня – и первая годовщина, и вторая, и годы, которые были прежде тех годовщин. Здесь столько напластовалось смен, дневных и ночных, сколько земляных пластов лежит под нами.)

Примеры (26)–(28) показывают высокую степень уверенности в фактичности сделанного предположения, о чем свидетельствует модальный глагол *müssen*, служащий показателем оправданности аргументов. Однако выбор данной формы в рамках дейктической модальности привносит в высказывания элемент эмотивной включенности: как бы достоверно все сказанное ни выглядело, оно всегда включает оттенок сомнения. Данная особенность средств выражения дейктической модальности отмечена Т. Фрицем, указавшим, что даже высокая степень убежденности говорящего, маркированная дополнительными сигналами, эксплицирующими уверенность, не может сравниться с достоверностью фактического высказывания [Fritz, 2000, S. 107–109].

6. Кумулятивное совмещение разных типов модальных значений и их выразительный потенциал

Наибольшей выразительности модальные глаголы в тексте романа достигают в тех случаях, когда они вступают во взаимодействие, дополняя друг друга и создавая определенную аккумуляцию разнообразных модальных смыслов, что производит эффект избыточности:

- (29) *Man hat uns nicht gesagt, wann und wie wir aus der Halle zum Bahnhof **müssen**. **Dürfen**, möchte ich sagen, weil ich endlich **los wollte** und sei es im Viehwaggon... zu den Russen.*

(Нам не сообщили, когда и как мы должны попасть на вокзал. Я бы сказал, скорее, «сможем попасть на вокзал», потому что хотел наконец уехать, пусть даже... в телячьем вагоне.)

В примере (29) контактная позиция глаголов *müssen* и *dürfen* для выражения указаний предписывающей инстанции и их внутренний контраст с мягким волеизъявлением субъекта речи в парантезе *möchte ich sagen* и с глаголом *los wollte* манифестируют всю противоречивость ситуации. Похожая конфигурация наблюдается и в (30), где конфликт между

необходимостью и внутренней волей, отраженный в двух предложениях, заставляет почувствовать степень производимого им напряжения:

- (30) *Ich **muss** mich erinnern gegen meinen Willen. Und auch wenn ich nicht **muss**, sondern **will**, **würde** ich es lieber nicht **wollen müssen**.*

(Я против своей воли принужден вспоминать. Но даже если бы я не был принуждаем, а хотел этого сам, я бы предпочел, чтобы мне этого не хотелось.)

Кроме представленных сочетаний различных видов недейктической модальной семантики, в тексте присутствует кумулятивное совмещение разных типов модальных значений [Kotin, 2012, p. 156], ведущее к насыщению содержания модальными смыслами, а именно, реализация в одном предложении или контексте дейктической и недейктической модальности.

Хотя дейктичность в первом предложении примера (31) передается не модальным глаголом, а модальным словом *wahrscheinlich*, смысл этого сочетания заключается в передаче глубокого противоречия воли-тивности и деонтичности, обусловленного столкновением личной воли человека и власти над ним неких сил, насилие которых продиктовано бездушными условиями тоталитаризма. Комбинация модальных глаголов и выражение неопределенности осознания реальности создает внутреннее напряжение всего фрагмента:

- (31) ***Wahrscheinlich wollte** ich von nun an das Leben von hier, das Leben überhaupt, nicht länger abhängig machen vom Wunsch, täglich nach Hause zu **wollen** und es nie zu **können**. Je mehr ich nach Hause **wollte**, umso mehr versuchte ich es nicht so stark zu **wollen**, dass es mich kaputtmacht, wenn ich es niemals **darf**.* (Мне бы, наверное, хотелось в том и другом случае – как уж оно выйдет – быть на высоте положения. Мне бы хотелось здешнюю мою жизнь, жизнь как таковую, сделать впредь независимой и от ежедневного желания попасть «домой», и от невозможности возвращения. Чем сильнее меня тянуло домой, тем больше я пытался ослабить эту тягу, которая, как я понимал, погубит меня, если окажется неосуществимой.)

7. Заключение

Заклучая все вышесказанное о роли модальных глаголов в усилении языковой выразительности художественного текста, следует отметить, что она выявляется не всегда. Для этого необходимы определенные предпосылки, включая эмоциональную нагруженность доминантных

смыслов текстового содержания, в котором важным элементом становятся значения необходимости, возможности, запрета, волеизъявления, или допущения, предположения, сомнения и т.п.

Таким образом, конфронтация смыслов, заложенных в семантике модальных глаголов, возможность их комбинирования, заключенное в этих сочетаниях напряжение являются источником выразительного потенциала модальных глаголов в этом типе текста, который реализуется благодаря вариативности использования элементов разновидностей недейктической и дейктической модальности.

Художественный текст как отражение работы человеческого сознания с помощью средств языка, воссоздающий индивидуальную картину модализированного видения мира, демонстрирует значимость категории модальности, которая в целом представляет собой комплексную динамическую систему, регулирующую все аспекты нашего мышления, речи и нашей деятельности [Fritz, 2021, S. 10].

Библиографический список / References

Аверина, Кострова, 2019 – Аверина А.В., Кострова О.А. Грамматика немецкого языка. М., 2019. [Averina A.V., Kostrova O.A. Grammatika nemetskogo yazyka [Grammar of the German language]. Moscow, 2019.]

Бабёр, 2012 – Бабёр Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. [Babjor N.V. Realizacija kategorii jevidencialnosti v nemeckom jazyke [Implementation of the category of evidentiality in German]. PhD dis. Moscow, 2012].

Балабаева, 2009 – Балабаева Ю.Е. Функционально-семантическое поле средств выражения категории эвиденциальности в современном немецком языке // Язык. Дискурс. Текст: Материалы IV Международной научной конференции. Ростов-н/Д., 2009. С. 144–145. [Balabaeva Ju.E. Functional-semantic field of means of expressing the category of evidentiality in modern German. Jazyk. Diskurs. Tekst: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Rostov-on-Don, 2009. Pp. 144–145. (In Rus.)]

Ильина, 2013 – Ильина Е.В. Смысловой стратум художественного текста и его модальная организация. Гамбург, 2013. [Ilyina E.V. Smyslovoj stratum hudozhestvennogo teksta i ego modalnaja organizacija [The semantic stratum of a literary text and its modal organization]. Hamburg, 2013.]

Козинцева, 1994 – Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104. [Kozinceva N.A. The category of evidentiality (the problem of typological analysis). Voprosy jazykoznanija. 1994. No. 3. Pp. 92–104. (In Rus.)]

Котин, 2018 – Котин М.Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М., 2018. [Kotin M.L. Jazyk i vremja. Oчерk teorii jazykovykh izmenenij [Language and time. Essay on the theory of language change]. Moscow, 2018.]

Сребрянская, 2005 – Сребрянская Н.А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 3 (47). С. 69–73. [Srebrjanskaja N.A. Narrative deixis and its correlation with literary text categories. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni L.N. Tolstogo. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2005. Vol. 3 (47). Pp. 69–73. (In Rus.)]

Степанов, 1981 – Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 1981. [Stepanov Ju.S. Imena, predikaty, predložhenija (semiologičeskaja grammatika) [Names, predicates, sentences (semiological grammar)]. Moscow, 1981.]

Ханзен, 2007 – Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Под ред. В.С. Храковского. СПб., 2007. С. 241–252. [Hanzen B. Evidence in German. *Jevidencialnost v jazykah Evropy i Azii. Sbornik statej pamjati Natalii Andrejevny Kozincevoj*. V.S. Hravskij (ed.). St. Petersburg, 2007. Pp. 241–252. (In Rus.)]

Aikhenvald, 2004 – Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford University Press, 2004.
Diewald, 1999 – Diewald G. Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999.

Droessiger, 2005 – Droessiger Gr. Zur Polyfunktionalität der deutschen Modalverben oder: Was ist modal an den deutschen Modalverben? *Žmogusiržodis. Svetimosioskalbos*. 2005. Vol. 7. No. 3. Pp. 85–92.

Fourquet, 1970 – Fourquet J. Zum subjektiven Gebrauch der deutschen Modalverba. *Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Festschrift für Paul Grebe zum 60. Geburtstag*. H. Moser u.a. (Hrsg.). Düsseldorf, 1970. S. 154–161.

Fritz, 2000 – Fritz Th. Wahr-Sagen. Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen. Hamburg, 2000.

Fritz, 2021 – Fritz Th. Modalität, Nullpunkt und Synthese – Die dynamische Struktur von Sprechen, Denken und Handeln. Hamburg, 2021.

Helbig, 1995 – Helbig G. Kontroversen über die deutschen Modalverben. *Deutsch als Fremdsprache*. 1995. Band 32. Nr. 2. S. 206–214.

Hundt, 2003 – Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nichtepistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2003. Nr. 31 (3). S. 343–381.

Kotin, 2007 – Kotin M.L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 1. Heidelberg, 2007.

Öhlschläger, 1989 – Öhlschläger G. Zur Syntax und Semantik der Modalverben im Deutschen. Tübingen, 1989.

Prak-Derrington, 2013 – Prak-Derrington E. Sprachmagie und Sprachgrenzen. Zu Wort- und Satzwiederholungen in Herta Müller Atemschaukel. *Dichtung und Diktatur. Die Schriftstellerin Herta Müller*. H. Mahrtdt, S. Lægroid (Hrsg.). Würzburg, 2013. S. 131–145.

Thieroff, 1992 – Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen. Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022

The article was received on 07.11.2022

Сведения об авторе /About the author

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры немецкого языка Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет

Irina A. Shipova – Dr. Phil. Hab.; Professor at the German Language Department of the Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6179-6960>

E-mail: schipowa@mail.ru

УДК: 372.881.1

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-77-93

Н.Л. Орешкова

Государственный университет просвещения,
141014 г. Мытищи, Московская область, Российская Федерация

Современные методы и приемы запоминания китайских иероглифов

В связи с высокой и устойчивой популярностью китайского языка сегодня разрабатывается достаточное количество новых приемов изучения китайских иероглифов, зачастую многие из них являются обновленными версиями классических методов. Автором статьи предпринята попытка оценить способы запоминания китайских иероглифов, выявить сложности и трудности, с которыми сталкиваются студенты. В статье представлены результаты исследования существующих и используемых методов и приемов запоминания китайских иероглифов студентами языкового вуза. Было проведено анкетирование, которое позволило выявить лидирующие по частоте использования приемы и методы запоминания. Было обнаружено и проанализировано расхождение между использованием определенных методов и оценкой личной результативности студентов. Также автор исследует возможность применения лингвокультурологического подхода к обучению китайской иероглифической письменности и прогнозирует успешность его применения для полноценного усвоения непосредственно китайской иероглифической письменности и усвоения культурного кода страны через иероглифы.

Ключевые слова: китайский иероглиф, обучение китайской иероглифической письменности, лингвокультурологический подход в обучении китайскому языку, иероглифика

© Орешкова Н.Л., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орешкова Н.Л. Современные методы и приемы запоминания китайских иероглифов // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 77–93.
DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-77-93

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-77-93

N. Oreshkova

State University of Education,
Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Popularity and effectiveness of modern ways of memorizing Chinese characters

Due to the high and steady popularity of Chinese, a sufficient number of new techniques for studying Chinese characters are being developed today, many of which often represent updated versions of classical methods. We attempt to evaluate the ways of memorizing Chinese characters, to identify the difficulties faced by students. The article studies methods and techniques of memorizing Chinese characters used by students at a language university. We conducted a survey which revealed the techniques and methods of memorization that are used most frequently. When identifying the individual effectiveness of the use of techniques and methods by students, a discrepancy was found and analyzed between the use of certain methods and the assessment of students' personal effectiveness. The authors also investigate the possibility of using a linguacultural approach to teaching Chinese hieroglyphic writing and predict the success of its application for the full assimilation of Chinese hieroglyphic writing and the acquisition of the cultural code of the country through hieroglyphs.

Key words: teaching Chinese characters, Chinese character, linguacultural approach, hieroglyphics

FOR CITATION: Oreshkova N. Popularity and effectiveness of modern ways of memorizing Chinese characters. *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 77–93. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-77-93

1. Введение

Известно, что интерес к Китаю, соответственно, и к китайскому языку неуклонно растет на протяжении последних десятилетий. Такая тенденция обусловлена не только развитием торговых отношений между нашими странами, но и ситуацией на мировой политической арене, где Россия и Китай находятся в партнерских и дружеских отношениях. Поэтому постоянно повышаются требования к уровню владения китайским языком специалистов, выпускающихся из языковых вузов. Очевидно, что высокий уровень владения любым иностранным языком подразумевает не только свободное владение самим языком, но и понимание культурных особенностей, традиций и менталитета носителей изучаемого языка. Культура Китая воплощается и в языке как универсальном средстве передачи опыта поколений в целом, и в артефактах языка – иероглифах. Иероглифическая письменность – это уникальный феномен, в котором заключается культурно-исторический багаж народа. Именно через иероглифы нам сегодня открывается доступ к уникальному хранилищу культурных особенностей китайского народа.

Как известно, в современном мире все большее предпочтение отдается цифровым способам передачи информации. Всеобщая цифровизация обусловлена, главным образом, скоростью передачи, обработки и донесения информации до конечного адресата. По отношению к иероглифической письменности у таких способов передачи есть и свои минусы, в числе последних следует назвать потерю связи с корнями и изначальной культурной базовой составляющей в силу того, что иероглиф начинает восприниматься как простой набор черт и графем, который надо запомнить и применять в быстром обмене информацией по цифровым каналам ее передачи. Для запоминания иероглифов используются разнообразные методы и приемы, включая цифровые, которые, по большей части, как показывают опросы изучающих китайский язык, дают кратковременный эффект, что ведет, вслед за потерей исторического, культурного фона в иероглифическом письме, к потере глубинного проникновения в мир изучаемого языка, следовательно, влияет на уровень коммуникации с представителями китайского народа [Орешкова, 2021].

Как отмечает И.В. Кочергин, «Иероглифическая письменность китайского языка обладает рядом специфических особенностей, которые делают ее саму чрезвычайно сложной для овладения, и весь процесс обучения языку в целом становится трудоемким и часто недостаточно эффективным» [Кочергин, 2000, с. 114]. Именно трудность в освоении иероглифов выводит китайский язык на лидирующие позиции по сложности изучения. По оценкам китайских ученых, количество иероглифов уже преодолело отметку в сто тысяч знаков, и это не предел [Pan Xiaxing et al., 2015], поскольку современный мир отличается большими скоростями во всех сферах человеческой деятельности, любая область (технологии, международные отношения, культурные связи и др.) приносит большое количество новых понятий, значений и определений, а значит и новых иероглифов.

2. Теоретический обзор

Для начинающих изучать китайский язык остро встает вопрос о методах запоминания иероглифов. При этом следует учитывать тот факт, что русскоговорящие обучающиеся лишены визуальной иероглифической среды, которая позволяет эффективнее и быстрее усваивать иероглифы за счет подключения постоянного фонового визуального восприятия. И если к английским надписям на плакатах, вывесках, в интернет-рекламе, компьютерных играх и прочих информационных носителях студенты привыкли, и визуальное восприятие английских слов и выражений в некоторой степени работает, то с китайским языком процесс интеграции находится пока на нулевом уровне.

Анализ российской научной литературы по заявленной теме позволил выделить основные методы и приемы запоминания китайских иероглифов. Например, Е.В. Бурцева, Е.А. Меньшикова, Е.Д. Ружицкая и Ж.В. Шмарова в своих исследованиях опирались по большей части на мнемотехнические и ассоциативные приемы [Бурцева, 2014, 2015, 2016; Ружицкая, Шмарова, 2018; Меньшикова, Бурцева, 2019]. Анализ научных трудов китайских исследователей, таких как Лю Сюнь, Ху Юйшу, Сы Ся и Ли Нань показывает предрасположенность китайских ученых к письменным формам запоминания [Сы Ся и др., 1995, с. 12–20; Ху Юйшу, 2004; Лю Сюнь, 2006]. В основном отдается предпочтение многократному прописыванию знакомых текстов, что позволяет запоминанию иероглифов произойти естественным путем. В то же время Джан Тяньжоу и Джан Джигун считают, что овладение большим количеством иероглифов должно предварять изучение и овладение навыками чтения и письма [Джан Тяньжоу и др., 1991, с. 7–93].

Тем не менее, не следует забывать, что большинство этих исследований основано на опыте обучения письменности носителей китайского языка, понимающих и говорящих на родном языке, следовательно, некоторые подходы не могут быть применены к студентам, изучающим китайский язык как иностранный.

3. Методология и методика исследования

Методологическую основу исследования составляет системный подход, признающий необходимость системной организации образовательной деятельности.

Методика включает в себя анкетирование и сравнительный анализ полученных результатов с использованием современных сервисов обработки данных. Выборка составила 34 студента третьего курса лингвистического факультета Государственного университета просвещения, изучающих китайский язык как второй иностранный. Анкетирование обеспечило получение эмпирических данных о применении методов и приемов запоминания китайских иероглифов студентами.

4. Результаты исследования

Для целей данного исследования необходимо определиться с основными понятиями, а именно с методом и приемом в запоминании китайских иероглифов.

Метод (от греч. *metodos* – букв. ‘путь к чему-либо’), означает способ достижения цели, определенным образом упорядоченную деятельность. Ученые-дидакты (Ю.К. Бабанский, Т.В. Ильина, Н.В. Савин, И.Ф. Харламов и др.) на протяжении достаточного количества времени не могут прийти к единому мнению по поводу определения метода. В силу многогранности понятия и постоянно меняющихся данных смежных наук (психология, физиология, компьютерные технологии и т.д.), метод – явление не статичное, а гибко реагирующее на изменения. В рамках нашего исследования определение метода, данное Т.В. Ильиной как «способ организации познавательной деятельности учащихся» [Ильина, 1984, с. 270], позволяет сделать акцент на самостоятельной работе студентов, т.к. запоминание иероглифов – это в большей степени индивидуальная внеучебная деятельность обучающихся.

Необходимо отметить, что метод состоит из элементов – приемов, каждый из которых является определенным шагом в реализации метода. Метод также может трактоваться через совокупность приемов, подчиненных решению конкретных задач. В вопросах запоминания китайских иероглифов можно сказать, что прием – это конкретное воплощение

метода в целях успешного и эффективного запоминания иероглифических знаков.

Анализ научной литературы и последующий опрос студентов позволили определить основной круг методов и приемов по запоминанию китайских иероглифов. Они обобщены (табл. 1) для понимания современной картины существующих методов и приемов, которые могут быть применены как преподавателем, так и студентами для запоминания китайских иероглифов.

Таблица 1

Методы и приемы запоминания китайских иероглифов
[Methods and techniques for memorizing Chinese hieroglyph]

Методы [Methods]	Приемы [Techniques]
Многократное повторение [Multiple repetition]	Прописывание иероглифа 100 и более раз Использование двусторонних карточек Развешивание изображений на стенах Использование современных приложений для смартфона [Writing a hieroglyph 100 or more times Using double-sided cards Hanging pictures on the walls Using modern smartphone applications]
Мнемотехника [Mnemonics]	История, основанная на чертах изучаемого иероглифа Ассоциативная картинка Система Локи Цепочка [A story based on the features of the studied hieroglyph Associative picture Method of locations Chain]
Повторение по времени [Time repetition]	0 → 30 мин → 3 ч → 8 ч Повторение по 3 раза: в первый день, через 3 дня, через 9 дней (в течение квартала); затем повторение 1 раз в квартал [0 → 30 min → 3 h → 8 h Repetition 3 times: on the first day, after 3 days, after 9 days (during the quarter); then repeat once a quarter]
Письменный метод [The written method]	Составление предложений с изучаемым китайским иероглифом Переписывание текстов с изучаемым иероглифом Написание диктантов с изучаемым иероглифом [Compilation of sentences with the studied Chinese hieroglyph Rewriting texts with the studied hieroglyph Writing dictations with the studied hieroglyph]
Технический метод [Technical method]	Разбор китайских иероглифов на ключи Связывание значения изучаемого китайского иероглифа и смысла его составных частей [Parsing Chinese hieroglyph into keys Linking the meaning of the studied Chinese hieroglyph and the meaning of its constituent hours]

Таблица 2

Приемы, используемые студентами для запоминания китайских иероглифов
[Techniques used by students to memorize Chinese characters]

Приемы [Techniques]	Варианты ответа [Answer options]			
	Использую чаще всего [I use most often]	Знаю, но прибегаю от случая к случаю [I know, but use from case to case]	Не очень представляю, что это [I don't really know what it is]	Впервые слышу [Hear it for the first time]
Прописываю на бумаге, пока не запомню [I write on paper until I remember]	24	10	0	0
Использую ассоциативные картинки [I use associative pictures]	17	16	1	0
Готовлю двусторонние карточки (иероглиф – перевод) [I am preparing double-sided cards (hieroglyph – translation)]	13	17	3	1
Разбираю по ключам и связываю со значением слова [I parse by keys and associate with the meaning of the word]	12	14	6	2
Использую мнемотехническую цепочку [I use a mnemonic chain]	6	4	10	14
Повторяю по определенной временной схеме [I repeat according to a certain time pattern]	3	11	10	10
Развешиваю изображения по всему дому [Hanging pictures all over the house]	2	25	5	2

Окончание табл. 2

Приемы [Techniques]	Варианты ответа [Answer options]			
	Использую чаще всего [I use most often]	Знаю, но прибегаю от случая к случаю [I know, but use from case to case]	Не очень представляю, что это [I don't really know what it is]	Впервые слышу [Hear it for the first time]
Использую современные приложения для смартфона [Use modern smartphone apps]	18	10	4	2
Создаю историю иероглифа [I imagine a story of the hieroglyph]	4	6	10	14
Использую систему Локи [I use the method of locations]	0	1	5	28
Составляю предложения с нужным иероглифом [I make sentences with the necessary hieroglyph]	8	13	8	5
Переписываю тексты с нужным иероглифом [I rewrite texts with the desired hieroglyph]	6	10	11	7
Пишу диктанты дома [I write dictations at home]	15	10	9	0
Разбираю иероглиф на ключи [I parse the hieroglyph into keys]	7	10	13	4

Выбор подходящего метода запоминания, а также приема, которыми будут пользоваться студенты, зависит от многих факторов, в том числе и от индивидуальных особенностей учащихся.

Мы провели двухэтапное анкетирование студентов. Первый этап анкетирования был направлен на основные приемы запоминания китайских иероглифов. Задача студентов была отметить те приемы, которыми они пользуются, о которых слышали и указать те, которые им не знакомы. Результаты представлены в таблице 2.

По итогам анкетирования нами была составлена таблица результатов по методам запоминания китайских иероглифов для лучшего понимания предпочтений студентов и их осведомленности о существующих методах. Для подсчета были взяты ответы с маркировкой «использую чаще всего» и «знаю, но прибегаю от случая к случаю» (табл. 3).

Таблица 3

**Суммарный подсчет ответов по методам запоминания
китайских иероглифов
[Cumulative response counts for Chinese hieroglyph
memorization methods]**

Методы [Methods]	Количество ответов [Number of responses]
Множественное повторение [Multiple repetition]	119
Мнемотехника [Mnemonics]	54
Повторение по времени [Time repetition]	14
Письменный метод [The written method]	62
Технический метод [Technical method]	43

Для подсчета взяты ответы с маркировкой «использую чаще всего» и «знаю, но прибегаю от случая к случаю».

[Responses labeled “I use most often” and “I know, but resort from case to case” were taken for calculation.]

Анкетирование показало, что большинство студентов отдает предпочтение традиционным приемам запоминания иероглифов. Лидирующими оказались прием прописывания 100 и более раз, прием подготовки и использования двусторонних карточек и использование современных приложений для смартфонов, которые в своей основной массе построены также на методе многократного повтора.

Дело в том, что преподавание китайской иероглифической письменности в России исторически сложилось на основе грамматико-

переводного метода, где от учащихся требовались лишь навыки чтения и перевода документации, а не умения общения с носителями языка. Основной упор был сделан на механическую память, так называемую «память руки», это происходило в силу того, что в изучении китайского языка большую часть времени студенты сталкивались с письменными текстами, вся основная коммуникация лежала в плоскости письменной речи. Следовательно, механическое запоминание подкреплялось большим количеством «встреч» с изучаемыми иероглифами в текстах, что обеспечивало эффективность приемов, основанных на многократном повторении на письме, и визуальном повторении (карточки). Именно таким положением дел и объясняется второй по использованию метод запоминания китайских иероглифов – письменный, который в определенной степени перекликается с методом многократных повторов.

На третьем месте по частоте использования стоит мнемотехнический метод. Современный, достаточно эффективный способ, особенно в тех случаях, когда иероглиф по определенным причинам невозможно истолковать и проследить историю его возникновения. Такой метод имеет несколько очевидных минусов: необходимо определенное обучение мнемотехнике, требует наличия определенного опыта по использованию мнемотехнических приемов, а также может привести к ошибочному пониманию смысла или сферы употребления иероглифа из-за стремления к яркой, запоминающейся смысловой картинке, ради которой зачастую пренебрегают важными нюансами значения.

Следующий по частоте использования метод – технический, который не всегда возможно применить в силу долгой истории иероглифа. «По сравнению с другими видами письменности, развитие китайского иероглифа шло постепенно и никогда не прерывалось. Его история насчитывает от четырех до пяти тысячелетий, а сам он обладает уникальными особенностями» [Ван Най, 2019]. Такая уникальная особенность иногда делает невозможным анализ истоков появления, истории изменения и специфики употребления иероглифа. Важно отметить, что при столкновении с подобными трудностями данный способ низводится к применению вышеупомянутой мнемотехники.

Второй этап анкетирования был направлен на получение личной оценки студентами результатов применения того или иного приема запоминания китайских иероглифов (табл. 4).

Представим результаты второго этапа анкетирования в формате подсчета голосов по методам запоминания китайских иероглифов (табл. 5).

Сравнительный анализ показал определенную разницу между методами, которые студенты используют для запоминания китайских иероглифов, и мнением студентов о результативности применяемых методов (рис. 1).

**Эффективность приемов запоминания иероглифов
(личная оценка студентов)
[The effectiveness of techniques to memorize hieroglyphs
(personal assessment of students)]**

Способы запоминания иероглифов [Techniques]	Личная результативность [Personal performance]			
	Высокий результат [High result]	Средний результат [Average result]	Низкий результат [Low result]	Отсутствие результата [No result]
Прописываю на бумаге, пока не запомню [I write on paper until I remember]	17	9	7	1
Использую ассоциативные картинки [I use associative pictures]	12	9	12	1
Готовлю двусторонние карточки (иероглиф – перевод) [I am preparing double- sided cards (hieroglyph – translation)]	13	17	4	0
Разбираю по ключам и связываю со значением слова [I parse by keys and associate with the meaning of the word]	11	12	10	1
Использую мнемо- техническую цепочку [I use a mnemonic chain]	7	9	14	4
Повторяю по определенной временной схеме [I repeat according to a certain time pattern]	2	7	18	7
Развешиваю изображения по всему дому [Hanging pictures all over the house]	7	10	9	8

Окончание табл. 4

Способы запоминания иероглифов [Techniques]	Личная результативность [Personal performance]			
	Высокий результат [High result]	Средний результат [Average result]	Низкий результат [Low result]	Отсутствие результата [No result]
Пользуюсь современными приложениями для смартфона [Use modern smartphone apps]	18	9	5	2
Создаю историю иероглифа [I create the history of the hieroglyph]	3	4	10	17
Использую систему Локи [I use the method of locations]	0	1	3	30
Составляю предложения с нужным иероглифом [I make sentences with the necessary hieroglyph]	8	9	10	7
Переписываю тексты с нужным иероглифом [I rewrite texts with the desired hieroglyph]	6	5	14	9
Пишу диктанты дома [I write dictations at home]	12	9	11	2
Разбираю иероглиф на ключи [I parse the hieroglyph into keys]	5	5	12	12

Исходя из полученных данных, можно предположить, что методы и приемы, применяемые студентами, не до конца удовлетворяют их потребностям, и вопрос запоминания иероглифов остается одним из основных в изучении китайского языка.

Можно говорить об определенной их недостаточности не только для запоминания как такового, но и для углубления культурной составляющей любого иноязычного образования. Так как при изучении иероглифов, по большей части, затрагивается графическая сторона иероглифа, задействуются различные механизмы запоминания, но нет осознания (понимания) того, что необходимо запомнить. Не происходит усвоение и присвоение культуры через один из самых ярких культурных языковых символов китайского языка – иероглиф.

Таблица 5

Суммарный подсчет ответов о индивидуальной результативности по методам запоминания китайских иероглифов
[Cumulative count of individual performance responses on Chinese character memorization methods]

Методы [Methods]	Количество ответов [Number of responses]
Множokратное повторение [Multiple repetition]	100
Мнемотехника [Mnemonics]	45
Повторение по времени [Time repetition]	9
Письменный метод [The written method]	49
Технический метод [Technical method]	32

Для подсчета взяты ответы с маркировкой «высокий результат» и «средний результат».
[Responses labeled “high score” and “average score” were taken for calculation.]

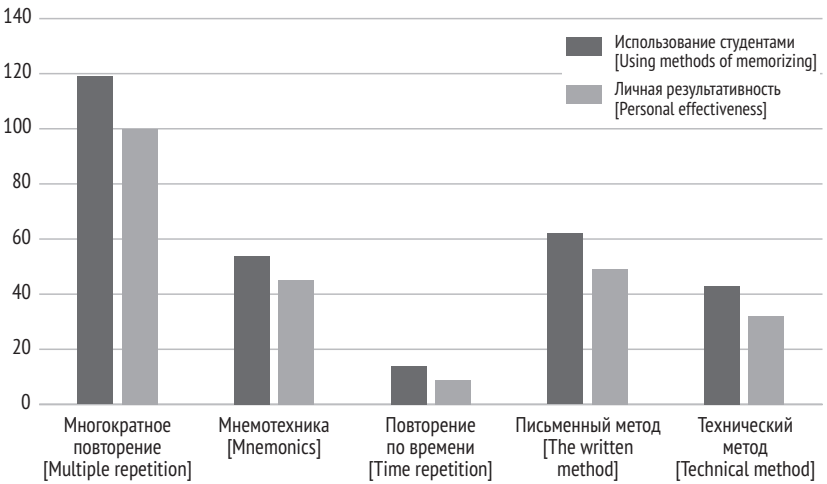

Рис. 1. Соотношение показателей использования методов запоминания китайских иероглифов и личной результативности использования различных методов студентами

Fig. 1. Correlation between indicators of using methods of memorizing Chinese characters and personal effectiveness of using various methods by students

В связи с этим обращаем внимание на лингвокультурологический подход как метод запоминания китайских иероглифов, который позволит усваивать иероглифы путем осознания, понимания и присвоения культурно-исторической информации. Речь не идет об отрицании и забвении перечисленных выше способов, мы говорим о смещении фокуса внимания с механического запоминания на осмысление глубоких культурных и исторических пластов. Для примера представляем разбор нескольких иероглифов.

1. Иероглиф 多 *duō* ‘много, многочисленный’, состоящий из двух элементов 夕 *xī* ‘вечер, канун’. В этом иероглифе знак ‘вечер’ 夕 имеет иное значение. Окунувшись в историю иероглифа 多, можно узнать, что здесь 夕 – это ‘мясо’. Идеографический иероглиф 多 *duō* состоит из двух кусков мяса 肉, 月 ‘*ròu*’. Изображение знака 多 на шанских гадательных надписях похоже на современный вариант написания иероглифа. В надписях на бронзовых сосудах Западной Чжоу (1045–771 гг. до н.э.) ‘мясо’ было искажено в ‘серп луны’ 夕 *xī* из-за визуального сходства, превратив 𠂔 в дублирование 夕 (多). Форма с 夕 была унаследована более поздними иероглифами. Знаки ‘мясо’ и ‘серп луны’ довольно похожи. Китайский языковед Цзи Сюйшэн (季旭升) предполагает, что в древние времена мяса было мало, поэтому два куска мяса – это много (多).

2. Иероглиф 秋 ‘осень, тяжелое время’ состоит из двух самостоятельных иероглифов 禾 ‘хлеб на корню, ростки злаковых растений’ и 火 ‘огонь’. Его лингвокультурологическая интерпретация означает: время, когда созревает злаковый урожай, очень тревожно, т.к. до последнего нет уверенности в сохранности урожая, в его количестве, достаточном, чтобы пережить надвигающуюся зиму. Из такого тревожного осеннего состояния рождается новый иероглиф 愁 ‘беспокоиться о чем-либо, грустить, печалиться’, т.е. к осеннему, тяжелому времени добавляется иероглиф 心 ‘сердце’ и значение переходит в область чувств и эмоций.

3. Иероглиф 嫁 – ‘выходить замуж’ (состоит из двух частей: ‘женщина’ и ‘семья’, выходить замуж означает обретение семьи для женщины).

4. Иероглиф 婚 ‘женитьба’ (состоит из трех частей: ‘женщина’, ‘фамилия, родовое имя’ и ‘день’, т.е. женитьба – это день, когда женщина обретает фамилию).

5. Иероглиф 尘 ‘пыль’ состоит из двух самостоятельных иероглифов 土 ‘земля, почва’ и 小 ‘маленький’. История появления данного иероглифа такова: ветер сметает верхний тонкий слой сухой земли и несет пыль, что отражается в составляющих его иероглифах. Сейчас это слово используется для обозначения любой пыли, в том числе и домашней.

Нельзя не отметить один из аспектов применения лингвокультурологического подхода, который вызывает определенные сложности

на сегодняшний день, – недостаточный уровень владения материалом преподавателями. Применение лингвокультурологического подхода к изучению китайских иероглифов требует глубокого погружения в предмет и требует больших временных затрат. В условиях всплеска интереса к китайскому языку и увеличению студентов, желающих его изучать, а соответственно и увеличению количества групп на лингвистических факультетах, ощущается нехватка преподавательского состава. Тем не менее, на наш взгляд, трудности с кадрами и увеличение спроса на изучение языка не должны влиять на уровень подготовки студентов и преподавателей.

5. Выводы

Владение китайской иероглификой позволяет обучающемуся поднимать свой уровень языка не столько как отдельно существующего явления «владение иностранным языком», сколько поднимать уровень развития его языковой личности как обладателя знаний о глубоких культурно-исторических пластах китайского народа, т.к. «интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и исследуется через язык» [Караулов, 2002, с. 36].

Считаем, что использование лингвокультурологического подхода в обучении китайской иероглифической письменности позволит расширить методы, применяемые преподавателями и студентами для запоминания китайских иероглифов. Это не только поможет студентам осознанно запоминать большие объемы иероглифов, но и будет способствовать формированию интеллектуальной языковой личности, которая «начинается по ту сторону бытового языка, когда подключаются иные категории и понятия, классификации, ценности и смыслы» [Там же, с. 37].

Библиографический список / References

Бурцева, 2014 – Бурцева Е.В. Пути решения проблем запоминания китайских иероглифов в русскоговорящей аудитории // Материалы международной научно-практической конференции «Современное китаеведное образование: проблемы и перспективы». Улан-Удэ, 2014. С. 43–49. [Burceva E.V. Ways to solve the problems of memorizing Chinese characters in a Russian-speaking audience. *Sovremennoe kitaevедnoe obrazovanie: problemy i perspektivy*. Ulan-Ude, 2014. Pp. 43–49. (In Rus.)]

Бурцева, 2015 – Бурцева Е.В. Актуальность запоминания иероглифов студентами в современных условиях доступа в глобальное информационное пространство // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 113–119. [Burceva E.V. The relevance of memorizing hieroglyphs by students in modern conditions of access

to the global information space. *The Siberian Pedagogical Journal*. 2015. No. 6. Pp. 113–119. (In Rus.)]

Бурцева, 2016 – Бурцева Е.В. К вопросу о методических рекомендациях запоминания китайских иероглифов студентами // Языковое образование в вузе: Материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск, 3–4 марта 2016 года. Новосибирск, 2016. С. 373–383. [Burceva E.V. On the issue of methodological recommendations for memorizing Chinese characters by students. *Yazykovoe obrazovanie v vuze: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Novosibirsk, 2016. Pp. 373–383. (In Rus.)]

Ван Най, 2019 – Ван Най. История китайских иероглифов / Пер. с кит. АА. Южаниновой. 2-е изд., испр. и доп. М., 2019. [Wan Nai. *Istoriya kitajskih ieroglifov* [History of Chinese characters]. A.A. Yuzhaninova (transl. from Chinese). Moscow, 2019.]

Джан Тяньжуо и др., 1991 – 張田若. «集中識字。大量閱讀。分步習作» 教學體系的理論與實踐。郭林, 張田若(編), 集中識字教學的理論與實踐。北京: 教育科學出版社, 1991. [Zhang TianZhuo. *Jizhong shizi*. Daliang yuedu. Fen buxi zuo [Concentrate on literacy. Read a lot. Step-by-step exercises]. Beijing, 1991.]

Ильина, 1984 – Ильина Т.А. Педагогика. Курс лекций. М., 1984. [Ilyina T.A. *Pedagogika. Kurs lekciy* [Pedagogy. Lecture course]. Moscow, 1984.]

Караулов, 2002 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 2-е. М., 2002. [Karaulov Y.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow, 2002.]

Кочергин, 2000 – Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. М., 2000. [Kochergin I.V. *Ocherki metodiki obucheniya kitayskomu yazyku* [Essays on Chinese language teaching methods]. Moscow, 2000.]

Лю Сюнь, 2006 – 刘珣. 新汉语用汉语课本。北京语言大学出版社, 六册, 2006. [Lu Xun. *Xin hanyuyonghanyukeben* [Chinese textbook for New Chinese]. Beijing, 2006.]

Меньшикова, Бурцева, 2019 – Меньшикова Е.А., Бурцева Е.В. Влияние автобиографической памяти на запоминание китайских иероглифов // Ананьевские чтения – 2019: Психология обществу, государству, политике: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22–25 октября 2019 года. СПб., 2019. С. 189. [Menshikova E.A., Burceva E.V. Influence of autobiographical memory on memorization of Chinese characters. *Ananьевские chteniya – 2019: Psihologiya obshchestvu, gosudarstvu, politike: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. St. Petersburg, 2019. Pp. 189. (In Rus.)]

Орешкова, 2021 – Орешкова Н.Л. Методические аспекты включения культурологии в преподавание иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2021. № 11. С. 86–91. [Oreshkova N.L. Methodological aspects of the inclusion of cultural studies in the teaching of a foreign language. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2021. No. 6. Pp. 86–91. (In Rus.)]

Ружицкая, Шмарова, 2018 – Ружицкая Е.Д., Шмарова Ж.В. Использование технологии мнемотехники при запоминании китайских иероглифов // Филологическое образование и современный мир: Материалы XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием, Чита, 30 марта 2018 года / Отв. ред. А.Э. Михина. Чита, 2018. С. 117–119. [Ruzhitskaya E.D., Shmarova Zh.V. The use of mnemonics technology in memorizing Chinese characters. *Filologicheskoe obrazovanie i sovremennyy mir*. Chita, 2018. Pp. 117–119. (In Rus.)]

Сы Ся и др., 1995 – 斯霞。談談識字教學。南京師範學院附屬小學, 南京師範學院教育系 (編), 斯霞教育經驗選編。北京: 人民教育出版社, 1995. [Si Xia. Tantan shizi jiaoxue. [Talk about literacy teaching. Selected from Si Xia's Educational Experience.] Beijing, 1995.]

Ху Юйшу, 2004 – 胡裕树。现代汉语 / 汉字字体。 – 上海教育出版社, 2004 年 – 133–194 页。[Hu YuShu. Modern Chinese Language. Shanghai Education Press. Shanghai, 2004. Pp. 133–194. (In Chinese)]

Pan Xiaxing et al., 2015 – Pan X., Jin H., Liu H. Motives for Chinese script simplification. *Language Problems & Language Planning*. 2015. No. 39. DOI: 10.1075/lplp.39.1.01pan

Статья поступила в редакцию 11.12.2022

The article was received on 11.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Орешкова Надежда Леонидовна – ассистент кафедры лингводидактики факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская область

Nadezhda L. Oreshkova – assistant at the Department of Linguadidactics of the Faculty of Romano-Germanic Languages of the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education, Mytishchi, Moscow region, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6995-6041>

E-mail: n1d33@yandex.ru

УДК: 372.881.111.1

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-94-113

А.И. Щедромирская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности как аспект профессионально-коммуникативной компетенции учителя и преподавателя английского языка

Статья посвящена анализу проблемы методики развития коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности у студентов лингводидактических направлений. Цель статьи состоит в описании исследования уровня сформированности коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности у студентов бакалавриата и магистратуры направления «Лингвистика». В рамках исследования было выявлено, что наиболее сложными аспектами коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности являются: использование гендерно нейтральных лексических единиц, распознавание гендерных стереотипов в речи учителей, использование гендерно сбалансированных обращений и собственно определение проблемы недостатка знаний в области гендерной сбалансированности в английском языке. Результаты исследования позволяют сделать вывод о возможности интеграции заданий, направленных на развитие коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности, в профессионально-коммуникативную подготовку учителей и преподавателей иностранного языка.

Ключевые слова: гендерная сбалансированность, гендерная нейтральность, коммуникативные стратегии, профессионально-коммуникативная компетенция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Щедромирская А.И. Коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности как аспект профессионально-коммуникативной компетенции учителя и преподавателя английского языка // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 94–113. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-94-113

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-94-113

A. Shchedromirskaia

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Communicative strategies for gender balance as an aspect of professional communicative competence of an English language teacher

The article deals with the problem of the development of communicative strategies for gender balance among trainee teachers. The article describes the study conducted to estimate the level of development of communicative strategies for gender balance of undergraduate and graduate students in Linguistics. According to the study, the most difficult aspects of the communicative strategies for gender balance are: the use of gender-neutral lexical units, the ability to recognize gender stereotypes in the English teachers' speech, the use of gender-balanced forms of address and the ability to define the problem of lack of knowledge in the field of gender balance in English. The results of the study demonstrate that it is possible to integrate tasks aimed at developing communicative strategies for gender balance into the professional communicative training of English teachers.

Key words: gender balance, gender neutrality, communicative strategies, professional communicative competence

FOR CITATION: Shchedromirskaia A. Communicative strategies for gender balance as an aspect of professional communicative competence of an English language teacher. *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 94–113. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-94-113

Введение

Значительную роль в подготовке языковых педагогов играет формирование, развитие и совершенствование у них профессионально-коммуникативной компетенции, которая является частью единой плюрилингвальной коммуникативной компетенции личности и представляет собой интегрированную совокупность знаний, навыков, умений, способностей, ценностных ориентаций и личностных качеств, позволяющую осуществлять общение на определенном языке в рамках определенной профессии и обеспечивающую решение коммуникативных задач, характерных для конкретной профессиональной сферы [Коренев, 2022, с. 157]. Профессионально-коммуникативная компетенция является многоаспектным понятием, в контексте которого могут рассматриваться коммуникативные виды деятельности и различные коммуникативные стратегии. Примером таких стратегий относительно учителей и преподавателей английского языка могут служить коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности.

Под коммуникативными стратегиями гендерной сбалансированности на английском языке в данной публикации понимается «совокупность знаний, умений, навыков и ценностных ориентиров, нацеленных на минимизацию возможной гендерной стереотипизации, которая может негативно влиять на образовательный процесс, направленных на создание комфортной образовательной среды на занятии за счет равного отношения к обучающимся обоих полов» [Колушкина, 2022, с. 75–76].

Развитие коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности у студентов лингводидактических направлений – будущих учителей и преподавателей английского языка – представляется важной задачей по ряду причин. Во-первых, от уровня сформированности коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности у учителей и преподавателей английского языка напрямую будет зависеть уровень сформированности данных стратегий у обучающихся. Одной из основных задач любого преподавателя иностранного языка является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, в частности ее социокультурных и социолингвистических компонентов, к которым можно отнести коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности. От степени сформированности данных стратегий будет зависеть успешность коммуникации обучающихся на английском языке, их адаптация в англоязычной среде и минимизация возможности возникновения культурного шока при столкновении с социокультурными реалиями страны изучаемого языка [Sudo, 2007]. Во-вторых, являясь одной из составляющих профессионально-коммуникативной

компетенции педагога, коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности необходимы для того, чтобы учителя и преподаватели английского языка могли осуществлять свою профессиональную деятельность не только в России, но и за рубежом, и могут способствовать их готовности к общению с зарубежными коллегами в различных коммуникативных ситуациях академической среды. Наконец, владение коммуникативными стратегиями гендерной сбалансированности может позволить преодолеть влияние негативной гендерной стереотипизации на образовательный процесс и способствовать проектированию психологически безопасной и комфортной образовательной среды на занятиях по английскому языку, что входит в требования, выдвигаемые Профессиональным стандартом педагога¹.

Обзор литературы

Во второй половине XX в. в англоязычном научном сообществе (преимущественно в США) начинают выходить в свет различные рекомендации по гендерно нейтральному, гендерно инклюзивному или несексистскому употреблению английского языка (NCTE, APA). В основе данных рекомендаций лежали идеи представителей феминистской критики языка, в рамках которой английский язык рассматривается как андроцентричный язык, который необходимо реформировать, чтобы сделать более инклюзивным. Таким образом, под гендерно нейтральным языком понимается язык, целью которого является попытка избежать использования слов и выражений, которые могут оскорбить или дискриминировать по гендерному признаку².

Несмотря на то, что данное явление получило достаточно широкое распространение, различные модифицированные рекомендации по гендерно нейтральному употреблению английского языка продолжают публиковаться в настоящее время (UNESCO, UN, European Parliament) и многие лексические единицы вошли в словари и учебники по английскому языку, не все исследователи, как носители, так и не носители языка, поддерживают данные языковые изменения. Так, некоторые лингвисты рассматривают феминистскую критику языка и гендерную нейтральность в языке как очередное явление политической корректности, являющееся лишь новой формой цензуры [Маринина, 2012]. Отмечается также, что влияние гендерно нейтрального языка на социальные

¹ URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf>

² Gender Neutral Language in the European Parliament. European Parliament. 2018. URL: http://www.europarl.europa.eu/cmsdata/151780/GNL_Guidelines_EN.pdf

изменения несущественно: «на практике гендерно-нейтральная нормативность оказывается лишь “заменой ярлыков”, а не реформой системы, воспроизводящей бинарный гендерный порядок» [Леденева, Никитина, 2019]. Другие исследователи утверждают, что язык, являясь семиотической системой, не может быть ни гендерно нейтральным, ни гендерно окрашенным, а то, что называется гендерно нейтральным языком, на самом деле является концепцией «новояза», в которую «включаются программы по культивированию в обществе положительного отношения к извращенцам» [Шаров, 2010]. Ученые-лингвисты также отмечают, что несмотря на все усилия противников андроцентризма язык никогда не будет полностью нейтральным, потому что любое слово, является оно гендерно нейтральным или нет, может быть интерпретировано любым способом [Litosseliti, 2013], а также потому что социальная роль личности всегда будет включать в себя гендерный компонент [Сафонова, 2009].

Несмотря на то, что данные реформы воспринимаются положительно далеко не всеми исследователями и носителями языка, многие аспекты данных реформ уже успели прочно войти в язык и отразиться в речевом поведении его носителей. Так, исследователями отмечаются преобладание гендерно нейтральной лексики над гендерно окрашенными существительными в англоязычных СМИ [Никитина, 2015]; преимущественное использование местоимения *they* в качестве местоимения общего рода при неизвестном поле антецедента в текстах финансовой, юридической и образовательной сфер [Kuzmenko, 2016]. Более того, российские исследователи отмечают необходимость ознакомления обучающихся с тенденциями гендерной нейтральности в английском языке, поскольку осведомленность в данной области может подготовить обучающихся к жизни в поликультурной среде [Максимова и др., 2021], способствовать избежанию конфликтов в процессе межкультурной коммуникации [Себрюк, 2017], а также не допускать речевых или переводческих ошибок при столкновении с подобными языковыми феноменами [Кичибекова, 2015].

Анализ рекомендаций по употреблению гендерно нейтрального языка позволил выделить основные лексические и грамматические стратегии.

1. Отказ от использования словообразующего компонента *man*, использование гендерно нейтральных эквивалентов (например, *fireman* → *fire fighter*).

2. Избегание использования гендерно окрашенных суффиксов *-ess*; *-ette*, использование гендерно нейтральных эквивалентов (например, *stewardess* → *flight attendant*).

3. Использование параллельных терминов (например, *men and ladies* → *men and women*).

4. Уход от использования слов и фраз, которые могут кого-то исключить (например, *mothering* → *parenting*).

Под лексическими гендерно нейтральными средствами подразумеваются слова и выражения, которые не содержат в себе каких-либо отсылок к гендеру и полу человека, о котором идет речь. В первую очередь, такие слова связаны с профессиями, такими как пожарный, полицейский, актер/актриса и другими. Гендерно окрашенными лексическими единицами в данном случае будут слова, содержащие в себе компонент *man* (*fireman, policeman*) и суффиксы *-ess* и *-ette*, а их гендерно нейтральными эквивалентами слова, в которых компонент *man* заменен гендерно нейтральным компонентом *person* или другим, а также слова без упомянутых выше суффиксов (более подробно с перечнем гендерно нейтральных эквивалентов можно ознакомиться в вышеуказанных руководствах).

5. Избегание использования местоимения *he* в качестве общего местоимения, относящегося к неизвестному антецеденту.

Что касается гендерно нейтральных грамматических единиц, здесь речь в первую очередь идет об использовании местоимений в случаях, когда пол антецедента (предыдущей единицы высказывания, с которой соотнесена – заменяя ее, указывая на нее – последующая [Ахманова, 1966, с. 45]) неизвестен. Во многих языках, в том числе и в русском, в абстрактных и обобщающих предложениях принято использовать местоимения мужского рода после одушевленных существительных, например, «студент обязан следовать уставу университета, в противном случае он будет отчислен». Поскольку в английском языке грамматическая категория рода существительного почти полностью отсутствует, носители языка стремятся к тому, чтобы в предложениях с антецедентом, пол которого неизвестен, использовать местоимения, которые будут отсылать к обоим полам (например, употреблять оба местоимения третьего лица единственного числа, местоимение третьего лица множественного числа, согласовав его с глаголом в третьем лице единственном числе, или ставить предложение во множественное число).

Данный пункт заслуживает отдельного внимания по нескольким причинам. В первую очередь, необходимо упомянуть исследования, которые проводились зарубежными исследователями в попытке определить, воспринимается ли местоимение *he* как местоимение общего рода [DeStefano et al., 1978; Spender, 1980; Khosroshahi, 1989; Sudo, 2007]. Результаты каждого исследования подтверждают выдвигаемую гипотезу: использование местоимения *he* при неизвестном поле антецедента в большинстве случаев ассоциируется с мужским полом. Более того, результаты недавнего исследования подтвердили идею взаимосвязи

между гендерной окрашенностью в языке и существующим разрывом в уровне образования между мужчинами и женщинами: страны, в которых язык является более гендерно нейтральным, имеют меньший показатель разрыва в уровне образования [Davis, Reynolds, 2018].

В этой связи встал вопрос об использовании гендерно нейтральных местоимений, и зарубежными исследователями были предприняты попытки предложить альтернативы использованию местоимения *he* в качестве местоимения общего рода. Помимо стратегий, связанных с перифразом, которые встречаются во всех рекомендациях научных сообществ, ученые предложили использовать местоимение *they* (так называемое “singular they”) для обозначения третьего лица единственного числа [LaScotte, 2016; Bjorkman, 2017]. Эта же рекомендация встречается в Чикагском руководстве по стилю (2017), Заявлении о гендере и языке Национального совета учителей английского языка (2018), Руководства по публикациям Американской психологической ассоциации (2020). Помимо использования местоимения *they*, были предложены также местоимения *ze* [Harris et al., 2017], *hir* [McGlashan, Fitzpatrick, 2018] и некоторые другие варианты, но на данный момент исследователи так и не пришли к единому мнению и вопрос все еще является дискуссионным [Lindqvist et al., 2018].

Отказ от упоминания гендерных стереотипов является еще одной важной стратегией, которая представлена в рекомендациях по употреблению гендерно нейтрального языка. Гендерные стереотипы представляют собой структурированный набор представлений о личных качествах, которыми обладают женщины и мужчины [Ashmore, Del Boca, 1979]; они являются мощным средством социального контроля [Basow, 1992] и могут носить дескриптивный (как обычно действуют мужчины и женщины) или прескриптивный (как должны действовать мужчины и женщины) характер, а также быть положительными и отрицательными [Koenig, 2018]. Гендерные стереотипы, с одной стороны, выполняют адаптивную функцию, но с другой – могут мешать адекватному восприятию личности человека [Hentschel, 2019] и способствовать увеличению гендерного разрыва.

Исследователи в области гендерной стереотипизации утверждают, что гендерные стереотипы могут влиять на успеваемость обучающихся обоих полов; на то, какие учебные предметы и дисциплины выбирают обучающиеся (как правило, обучающиеся женского пола изучают предметы и дисциплины, связанные с инженерной и компьютерной сферой реже, чем обучающиеся мужского пола), а также на то, какую будущую карьеру они выбирают [Francis, Skelton, 2005; Hyde, 2005; Igbo et al., 2015]. Дж.Ш. Хайд отмечает, что гендерные предрассудки

учителей и родителей подрывают уверенность обучающихся женского пола в своих силах и они перестают изучать предметы или дисциплины, связанные с точными науками, в качестве основных [Hyde, 2005]. Схожие результаты отражены в исследовании Дж.Н. Игбо; по мнению ученых, существует прямая зависимость между гендерными стереотипами, которые родители и учителя транслируют обучающимся, и предметами и дисциплинами, которые эти обучающиеся выбирают [Igbo et al., 2015].

Помимо гендерно нейтрального употребления языка и избегания гендерной стереотипизации, зарубежные исследователи в области методики обучения английскому языку также обращают внимание на необходимость стремления к сбалансированной гендерной репрезентации на занятиях по английскому языку, на равное обращение с обучающимися обоих полов и на необходимость подбора гендерно сбалансированной учебно-методической литературы, анализа и адаптации несбалансированных учебных материалов.

Концепт гендерной нейтральности содержит в себе аспекты, которые являются применимыми в российском образовательном контексте, например, стремление к минимизации гендерной стереотипизации и гендерной асимметрии на занятиях и в учебно-методических материалах по английскому языку можно соотнести с реализацией принципа обеспечения равных возможностей. Несмотря на приемлемость данного феномена, англоязычный термин “gender-neutral” в своей формулировке и в современной его трактовке зачастую нивелирует любые различия между полами, стирая грань и выходя за рамки бинарной гендерной концепции. В связи с этим заимствование данного термина и его понимания в том виде, в котором оно встречается в работах зарубежных исследователей, представляется некорректным, поскольку возникает противоречие между зарубежными социокультурными тенденциями и российским социокультурным контекстом. Так, ознакомление обучающихся с концепцией гендерной нейтральности может идти вразрез с государственной политикой Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³.

Принимая во внимание также тот факт, что идеи исследователей в области борьбы с гендерными стереотипами не ограничиваются языковыми средствами, а включают в себя также различные рекомендации в области профессионально-коммуникативной сферы учителей и преподавателей английского языка, представляется возможным утверждать, что в данном случае речь идет уже не только о гендерной нейтральности и использовании гендерно нейтрального языка, а о целом комплексе

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809.

коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности, в котором гендерно нейтральный язык является лишь одним из компонентов. Коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности, на наш взгляд, должны включать в себя знания следующих аспектов:

- рекомендации международных организаций по использованию гендерно нейтрального языка;
- рекомендации зарубежных исследователей по созданию гендерно сбалансированной атмосферы на занятии;
- особенности гендерно нейтральной грамматики и словообразования.

Помимо знаний, коммуникативные стратегии гендерной сбалансированности включают в себя следующие умения:

- распознавать гендерные стереотипы, критически к ним относиться, а также критически относиться к употреблению гендерных стереотипов в речи, с потенциальным отказом от гендерной стереотипизации;
- использовать сбалансированное количество приводимых на занятии примеров с мужскими и женскими персонажами, персоналиями и прецедентными именами;
- отбирать, адаптировать и создавать гендерно сбалансированные учебные материалы;
- создавать психологически комфортную образовательную среду для обучающихся обоих полов за счет использования гендерно сбалансированных обращений.

В основе рассматриваемого комплекса стратегий лежат ценностные ориентиры, опирающиеся на ряд принципов:

- принцип равных возможностей («обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения»⁴ и др.);
- принцип культуросообразности («максимальное использование в воспитании и образовании культуры той среды, нации, общества, страны, региона, в которой находится конкретное учебное заведение» [Коджаспирова, Коджаспиров, 2005, с. 119]);
- принцип диалога культур и цивилизаций (развитие общепланетарного мышления, культурной непредвзятости, готовности к общению в инокультурной среде, речевого и социокультурного такта) [Сафонова, 2001, с. 19].

⁴ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ (ред. от 25 ноября 2013 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.).

Результаты исследования

Целью констатирующего эксперимента было выявить, насколько студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, владеют отдельными аспектами коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности. В исследовании принимало участие 20 студентов направления подготовки «Лингвистика» (10 студентов бакалавриата 3 курса, обучающиеся по программе «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур», 10 магистрантов 1 курса, обучающиеся по программам «Обучение иностранным языкам в высшей школе и корпоративной среде» и «Теория обучения иностранным языкам»).

В рамках констатирующего эксперимента использовались задания, направленные на выявление следующих аспектов:

- 1) уровень сформированности навыков употребления гендерно нейтральных грамматических единиц;
- 2) умение распознать гендерно окрашенные лексические единицы и заменить их гендерно нейтральными эквивалентами;
- 3) умение определить и обозначить проблему осведомленности в области гендерной нейтральности в английском языке;
- 4) умение использовать гендерно сбалансированные формы обращений;
- 5) способность определить степень дидактической целесообразности апелляции к гендерным стереотипам на занятиях по английскому языку;
- 6) способность распознать гендерные стереотипы в речи;
- 7) умение распознать гендерные стереотипы в содержании учебников по английскому языку и методически реконструировать содержание учебных материалов с целью сделать их более гендерно сбалансированными.

Употребление гендерно нейтральных грамматических единиц

В рамках исследования уровня сформированности навыков употребления гендерно нейтральных грамматических единиц одной группе студентов было предложено продолжить предложения, которые были сформулированы таким образом, что испытуемые были вынуждены употребить то или иное личное местоимение, при этом пол antecedента (предыдущей единицы высказывания, с которой соотнесена – заменяя ее, указывая на нее – последующая [Ахманова, 1966, с. 45]) был неизвестен: *If a person wants to fight crime...* ('Если человек хочет бороться с преступностью...'). В дальнейшем данное задание было откорректировано, и группе студентам бакалавриата, а также группе студентов

магистратуры «Теория обучения иностранным языкам» было предложено перевести текст на английский язык на отвлеченную тематику («Как бороться с тревожностью»). Цель данного задания осталась прежней.

Анализ ответов студентов бакалавриата и магистратуры показал, что 17 из 20 человек владеют различными стратегиями гендерной сбалансированности в аспекте употребления местоимений при неизвестном поле антецедента. Так, в качестве местоимений общего рода студенты использовали местоимение *they* (они), связку местоимений *he/she* (он/она), существительное *one* (он / она / этот человек), например: *This will help you get a better understanding of what your friend is feeling and at which exact moment they need your help* («Это поможет вам лучше понять, что чувствует ваш друг, а также даст представление, в какой конкретно момент ему нужна ваша помощь»). На основании вышесказанного можно сделать вывод, что у большинства испытуемых уровень сформированности навыков употребления гендерно нейтральных грамматических единиц является достаточно высоким.

Употребление гендерно нейтральных лексических единиц

Студентам были предложены для анализа отрывки из уроков учителей – участников Всероссийского конкурса «Учитель года». Отрывки были представлены в текстовом формате в виде реплик учителей, в которых встречаются гендерно окрашенные лексические единицы. Задачей студентов было следующее:

- 1) обнаружить все гендерно окрашенные единицы;
- 2) подобрать гендерно нейтральные эквиваленты гендерно окрашенным единицам.

Результаты анализа ответов студентов показали, что, во-первых, не все студенты способны обнаружить гендерно окрашенные лексические единицы, а во-вторых, в тех случаях, когда гендерно окрашенные единицы обнаружены, могут возникать трудности с подбором гендерно нейтрального эквивалента. Из 10 студентов магистратуры шестеро смогли обнаружить все гендерно окрашенные лексические единицы; из 10 студентов бакалавриата никто не смог обнаружить все гендерно окрашенные лексические единицы.

Что касается подбора гендерно нейтральных эквивалентов, то наибольшие затруднения вызвали такие слова, как *weatherman* («метеоролог / ведущий прогноза погоды»), *cameraman* («оператор»), *soundman* («звукоорежиссер/звукооператор»). В качестве гендерно нейтральных эквивалентов данным лексическим единицам студентами были предложены следующие существительные: *weatherperson*, *weather presenter*, *weather reporter*, *weather forecast host*, *weather specialist*, *weather forecaster*;

cameraperson, camera specialist; soundperson, sound producer, sound engineer, sound director, в то время, как наиболее адекватными гендерно нейтральными эквивалентами являются такие существительные, как *meteorologist, weathercaster / weather forecaster, camera operator, audio technician*. Некоторые из предложенных студентами терминов не имеют широкого употребления (*soundperson*) или могут иметь другое значение (*sound producer*). Это свидетельствует о том, что студенты не знакомы с гендерно нейтральными лексическими единицами в достаточной степени и подбор гендерно нейтральных эквивалентов, как уже было упомянуто ранее, вызывает у них затруднения. Более того, попытки употребить гендерно нейтральный термин, который не является на самом деле эквивалентом гендерно окрашенной лексической единицы, могут привести к определенным проблемам в коммуникации.

Определение уровня общей осведомленности в области гендерной нейтральности в английском языке

В качестве задания на определение степени осведомленности в области гендерной нейтральности в английском языке студентам было предложено проанализировать отрывки из интервью, представленные в статье Дж. Сюдо [Sudo, 2007], определить и сформулировать проблему. В данных отрывках интервьюируемые делятся своим негативным опытом общения с носителями языка, который связан с незнанием гендерно нейтральных лексических и грамматических средств.

Выполняя данное задание, чуть больше половины студентов (13 из 20) смогли корректно определить и сформулировать проблему как отсутствие у интервьюируемых знаний о существовании гендерной нейтральности в английском языке. Остальные студенты либо не распознали данную проблематику вообще, либо коснулись проблемы гендера в языке, но не смогли:

1) употребить корректный термин (*gender-neutral language / gender-inclusive language* ‘гендерно нейтральный / гендерно инклюзивный язык’);

2) обозначить проблему как нехватку знаний в области гендерно нейтрального употребления языка.

Использование гендерно сбалансированных форм обращений

В рамках данного задания студенты должны были предложить формы гендерно сбалансированных обращений, которые можно было бы использовать на занятии по английскому языку.

Больше половины студентов (12 из 20) справились с данным заданием и в качестве возможных обращений к обучающимся на занятии предложили следующие варианты: *every one* ('все вы'); *class* ('класс'); *students* ('студенты'); *colleagues* ('коллеги') и др. Остальные студенты предложили оппозиционные и несбалансированные обращения, например, *boys and girls, boys/guys, girls*, которые считаются таковыми из-за монополии в словообразовании (существительное мужского рода ставится на первое место в паре существительных), что может способствовать сохранению и закреплению гендерно стереотипизации [Геращенко, 2011].

Степень дидактической целесообразности апелляции к гендерным стереотипам на занятиях по английскому языку

Данное задание было посвящено выражению своего мнения относительно уместности использования гендерных стереотипов на занятиях по иностранному языку. Цель данного задания заключалась в попытке выявить, смогут ли студенты критически подойти к данному вопросу и объяснить, почему в той или иной ситуации гендерные стереотипы можно и нужно упоминать на занятиях.

Большинство студентов (16 из 20) отметили, что гендерные стереотипы уместно упоминать в ситуациях, когда речь идет о каком-то конкретном историческом периоде (*The only cases for discussing gender stereotypes are the classes of history and literature; ...we can use some of these... naming historic processes*); когда преподаватель/учитель хочет повысить уровень осведомленности обучающихся в рамках данной темы (*Teachers should discuss gender stereotypes with their students in order to raise awareness and prevent sexism; Gender stereotypes exist – that's a fact and also the reason they should be brought up in class. But the teacher's task is to show how appealing to them is inappropriate*); когда преподаватель хочет научить обучающихся избегать стереотипизации в речи и в реальной жизни (*It is important to discuss these stereotypes and to teach students avoid them not only in language but also in life in general*); когда речь идет о культурных особенностях разных стран, поскольку необходимо учитывать эти знания при общении с представителями различных культур (*...we should know the attitude toward this question in different cultures and countries. For some cultures this question is a sensitive spot, so we should discuss it and bear in mind while communicating with people from different countries*).

Остальные студенты (4 из 20) либо отметили, что апеллировать к гендерным стереотипам на занятиях по иностранному языку неуместно ни при каких обстоятельствах, либо дали ответы, из которых можно сделать вывод, что они недостаточно знакомы с понятием о гендерной

стереотипизации: один студент отметил, что упоминание гендерных стереотипов зависит от языка, который изучается на занятии, и связал гендерные стереотипы с наименованиями женских и мужских профессий (*This depends on the language used during the class. In many languages the division of gender is clear. There are professions which have two names: for men and women. That is why it is important to highlight the difference. When speaking about hard work (mostly for men), it is important to make clear why such professions are typical for men*). Другой студент отметил, что гендерные стереотипы необходимо упоминать, чтобы демонстрировать разницу между мужчинами и женщинами с точки зрения биологического аспекта и объяснять, почему стереотипы существуют (...to show the differences between men and women in biological aspect <...> when you need to explain students some stereotypes that exist in society). Данная причина представляется недостаточно убедительной, поскольку в таком случае дискриминирующие представления о мужчинах и женщинах могут только укрепляться в сознании обучающихся, а это не будет способствовать созданию гендерно сбалансированной среды на занятии по иностранному языку.

Распознавание гендерных стереотипов в речи

На данном этапе студентам предлагалось проанализировать два отрывка из речи учителей – участников Всероссийского конкурса «Учитель года», в которых упоминались те или иные гендерные стереотипы. В рамках задания студентам нужно было определить и сформулировать проблему. Отрывки для анализа были представлены в текстовом формате.

Студенты справились с данным заданием частично: некоторые студенты (8 из 20) смогли распознать и обозначить проблему в обоих случаях, многие студенты (17 из 20) смогли распознать и обозначить проблему только во втором приведенном отрывке, хотя и не всегда развернуто объясняли, что конкретно является гендерным стереотипом. Трое студентов не смогли корректно определить проблему ни в одном из отрывков. При анализе первого отрывка у большинства студентов (12 из 20) возникли определенные сложности: они указывали в качестве основной проблемы недостаточную компетентность учителей, недостаточный уровень вежливости, а также нерациональную организацию работы на занятии. Тем не менее, те студенты, которые смогли распознать гендерные стереотипы в первом отрывке, отметили, что хобби, которые упоминает учитель, являются стереотипными: *In the first excerpt, it seems like all women are keen on shopping, which is a stereotype; The teacher probably implies that travelling is an unusual hobby for a woman. Another guess <...> the teacher suggests that it's unusual for a woman to have one hobby; Hobbies have*

no gender, there is no “shopping is for women”, “travelling is for men” in real life; ...the stereotype that only thing that can be loved by a woman is shopping; ...a sexist phrase as if women usually have only one hobby or no hobbies at all; The teacher decided two stereotypical hobbies typical only of women and shared them. The expression “extraordinary woman” and these ordinary hobbies do not feat each other.

Распознавание гендерных стереотипов в содержании учебников по английскому языку и предложения по реконструкции содержания

Студентам предлагалось проанализировать отрывки из разделов учебников по предмету «Английский язык» и решить, насколько стереотипизирована или нестереотипизирована представленная в учебном материале информация. В первом случае это был комикс о различиях мужчин и женщин. Задачей студентов было проанализировать содержание данного комикса и высказать свое мнение относительно того, уместна ли представленная информация.

Большинство студентов (17 из 20) отметили, что подобные гендерные стереотипы не должны использоваться как обучающий материал: *It's not appropriate as it fosters sexism and gender stereotypes; It's totally inappropriate because it develops a stereotype about men; It's definitely inappropriate and it has no particular meaning that could be useful to anyone; Inappropriate as it teaches one gender to tolerate such behaviour and the other to stick to these patterns.* Некоторые студенты отметили, что название комикса “Why men are impossible” и упоминаемые стереотипы носят оскорбительный характер: *Attempts at jokes based at humiliation aren't funny; The name of the unit sounds harmful and offensive.*

Один из студентов упомянул возможность использования данного материала в качестве основы для дискуссии или проведения дебатов. Двое студентов не высказали своего мнения об уместности или неуместности такого рода информации, а просто констатировали факт наличия стереотипов: *The dialogues show the features of men, some stereotypes about them in relationships; Some facts are stereotypes.*

Во втором случае студентам было предложено ознакомиться с содержанием раздела учебника, посвященного профессиям, определить, какие стереотипы в нем представлены, и как можно сделать представленную информацию более сбалансированной.

Все студенты (20 из 20) отметили, что профессии сопровождаются иллюстрациями мужчин и женщин в соответствии со стереотипными гендерными ролями. Студенты предложили разные стратегии по изменению содержания учебника:

- сопровождать каждую профессию изображениями и мужчины, и женщины;
- добавить фотографии женщин, чтобы количество иллюстраций с мужчинами и количество иллюстраций с женщинами было одинаковым;
- добавить изображения, на которых представлены люди обоих полов или группа людей;
- добавить больше «нейтральных» профессий или изображений, на которых мужчины и женщины предстают в нестереотипных должностях (*a man is flight attendant, and a woman is police officer*);
- один студент отметил, что можно поменять профессии местами так, чтобы изображения мужчин использовались для иллюстрации «типично женских профессий», а изображения женщин – для иллюстрации «типично мужских профессий».

Заключение

Подводя итог анализа результатов констатирующего эксперимента, необходимо отметить, что у большинства студентов сформированы навыки употребления гендерно нейтральных грамматических средств. Большинство студентов знакомы с понятием о гендерной нейтральности в английском языке, способны критически оценивать дидактическую целесообразность применения материала, в котором содержится негативная гендерная стереотипизация, могут распознавать некоторые гендерные стереотипы в речи и в содержании учебных материалов, а также способны предложить различные способы корректировки содержания гендерно несбалансированных материалов. При этом далеко не все студенты способны распознать гендерно окрашенные лексические единицы, а в случае, если им все-таки удастся это сделать, они не всегда могут подобрать адекватный гендерно нейтральный эквивалент. Стоит также отметить, что негативная гендерная стереотипизация была распознана студентами не во всех случаях, что может быть связано с влиянием определенных социокультурных факторов. У студентов также возникали сложности с подбором гендерно сбалансированных форм обращений.

Результаты проведенного эксперимента демонстрируют, что формирование коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности будущих учителей и преподавателей английского языка должно осуществляться комплексно и включать в себя различные аспекты: от формирования лексико-грамматических навыков до развития критического мышления и способности не только модифицировать и реконструировать гендерно несбалансированные материалы, но и создавать собственные гендерно сбалансированные учебные материалы. В связи с этим

актуальным представляется интеграция в курсы английского языка для специальных целей комплекса культуроведческих проблемно ориентированных заданий, которые бы обеспечивали развитие коммуникативных умений и способностей студентов, обучающихся в бакалавриате и магистратуре по направлению «Лингвистика».

Библиографический список / References

Ахманова, 1966 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. [Akhnanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1966.]

Герасименко, 2011 – Герасименко Д.В. Проблемы гендерной дифференциации в современном английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 27–31. [Gerasimenko D.V. Gender differentiation issues in Modern English. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2011. No. 4. Pp. 27–31. (In Rus.)]

Кичибекова, 2015 – Кичибекова М.В. К проблеме обучения политкорректности средствами иностранного языка (на материале английского) // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков / Отв. ред. Н.М. Мекеко. М., 2015. С. 457–467. [Kichibekova M.V. On the problem of political correctness through different approaches to teaching a foreign language (based on English). *Innovatsionnost i multikompetentnost v prepodavanii i izuchenii inostrannykh yazykov*. N.M. Mekeko (ed.). Moscow, 2015. Pp. 457–467. (In Rus.)]

Коджаспирова, Коджаспиров, 2005 – Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений. М., 2005. [Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Yu. *Pedagogicheskii slovar* [Pedagogical dictionary for students of higher and secondary pedagogical educational institutions]. Moscow, 2005.]

Колушкина, 2022 – Колушкина А.И. Анализ потенциала учебников по английскому языку в формировании коммуникативных стратегий гендерной сбалансированности (на примере основного общего образования) // Высшее образование сегодня. 2022. № 5–6. С. 74–78. [Kolushkina A.I. English textbooks as a means of forming gender balanced communication strategies. *Vysshee obrazovanie segodnya*. 2022. No. 5–6. Pp. 74–78. (In Rus.)]

Коренев, 2022 – Коренев А.А. Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 152–163. [Korenev A.A. Modes of communication as part of the language teacher's professional communicative competence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2022. No. 2. Pp. 152–163. (In Rus.)]

Леденева, Зинкевич, 2019 – Леденева Т.В., Зинкевич Н.А. Эгалитарно-инклюзивные трансформации категории рода в современном английском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 164–171.

[Ledeneva T.V., Zinkevich N.A. Egalitarian and inclusive transformations of the gender category in Contemporary English. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 2019. No. 4. Pp. 164–171. (In Rus.)]

Максимова и др., 2021 – Учет современных языковых тенденций в преподавании иностранных языков (на примере способов выражения гендерных отношений) / Максимова М.В., Лыскова И.Ю., Салтыкова М.В. и др. // Казанская наука. 2021. № 3. С. 90–92. [Maksimova M.V., Lyskova I.Yu., Saltykova M.V. et al. Consideration of modern linguistic trends in teaching foreign languages (in the context of gender-neutral language). *Kazanskaya nauka*. 2021. No. 3. Pp. 90–92. (In Rus.)]

Маринина, 2012 – Маринина Е.В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 78–86. [Marinina E.V. On some trends in the U.S. and UK Language Policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2012. No. 2. Pp. 78–86. (In Rus.)]

Никитина, 2015 – Никитина Ю.А. Замена гендерно маркированных имен существительных гендерно нейтральными в текстах англоязычных СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 37–39. [Nikitina Yu.A. The Replacement of gender-marked nouns with gender-neutral nouns in the texts of English mass media. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2015. No. 4 (13). Pp. 37–39. (In Rus.)]

Сафонова, 2001 – Сафонова В.В. Культуроведение в системе современного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2001. № 3. С. 17–24. [Safonova V.V. Cultural studies in the system of modern language education. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2001. No. 3. Pp. 17–24. (In Rus.)]

Сафонова, 2009 – Сафонова О.Н. Прагматико-референциальные параметры гендерно маркированной лексики // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 1 (30). С. 107–109. [Safonova O.N. Pragmatic and referential parameters of gender-marked words. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. 2009. No. 1 (30). Pp. 107–109. (In Rus.)]

Себрюк, 2017 – Себрюк А.Н. Об учете андроцентризма и гендерной асимметрии в обучении современному английскому языку // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 75–85. [Sebryuk A.N. On the problem of androcentrism and gender correctness in teaching Modern English. *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. 2017. No. 1. Pp. 75–85. (In Rus.)]

Шаров, 2010 – Шаров К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 30–43. [Sharov K.S. On the dark party of political correctness: Gender-neutral newspeak. *Voprosy filosofii*. 2010. No. 3. Pp. 30–43. (In Rus.)]

Ashmore, Boca, 1979 – Ashmore R.D., Boca F.K.D. Sex stereotypes and implicit personality theory: Toward a cognitive social psychological conceptualization. *Sex Roles*. 1979. Vol. 5. No. 2. Pp. 219–248.

Basow, 1992 – Basow S.A. Gender: Stereotypes and roles. Brooks/Cole, 1992.

Bjorkman, 2017 – Bjorkman B.M. Singular they and the syntactic representation of gender in English. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2017. Vol. 2. No. 1. URL: <https://www.glossa-journal.org/article/id/4942/> (date of access: 10.02.2023).

Davis, Reynolds, 2018 – Davis L., Reynolds M. Gendered language and the educational gender gap. *Economics Letters*. 2018. Vol. 168. Pp. 46–48.

DeStefano et al., 1978 – DeStefano J.S., Kuhner M.W., Pepinsky H. An investigation of referents of selected sex-indefinite terms in English. *IX ISA World Congress of Sociology*. Uppsala, Sweden, 1978.

Francis, Skelton, 2005 – Francis B., Skelton C. Reassessing gender and achievement: Questioning contemporary key debates. Routledge, 2005.

Harris et al., 2017 – Harris C. A., Biencowe N., Telem D. A. What's in a pronoun? Why gender-fair language matters. *Annals of Surgery*. 2017. Vol. 266. No. 6. Pp. 932–933.

Hentschel et al., 2019 – Hentschel T., Heilman M.E., Peus C.V. The multiple dimensions of gender stereotypes: A current look at men's and women's characterizations of others and themselves. *Frontiers in Psychology*. 2019. No. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00011/full> (date of access: 10.02.2023).

Hyde, 2005 – Hyde J.S. The Gender similarities hypothesis. *American Psychologist*. 2005. Vol. 60. No. 6. Pp. 581–592.

Igbo et al., 2015 – Igbo J.N., Onu V.C., Obiyo N.O. Impact of gender stereotype on secondary school students' self-concept and academic achievement. *SAGE Open*. 2015. DOI: 10.1177/2158244015573934

Khosroshahi, 1989 – Khosroshahi F. Penguins don't care, but women do: A social identity analysis of a whorfian problem. *Language in Society*. 1989. Vol. 18. No. 4. Pp. 505–525.

Koenig, 2018 – Koenig A.M. Comparing prescriptive and descriptive gender stereotypes about children, adults, and the elderly. *Frontiers in Psychology*. 2019. No. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.01086/full> (date of access: 10.02.2023).

Kuzmenko, 2016 – Kuzmenko A.N. Singular “They” in gender neutral language. *Humanitarian and Pedagogical Education*. 2016. Vol. 2. No. 3. Pp. 49–53.

LaScotte, 2016 – LaScotte D.K. Singular they: An empirical study of generic pronoun use. *American Speech*. 2016. Vol. 91. No. 1. Pp. 62–80.

Lindqvist et al., 2013 – Lindqvist A., Renström E.A., Gustafsson Sendén M. Reducing a male bias in language? Establishing the efficiency of three different gender-fair language strategies. *Sex Roles*. 2019. Vol. 81. Pp. 109–117.

Litosseliti, 2013 – Litosseliti L. Gender and language: Theory and practice. Routledge, 2013.

McGlashan, Fitzpatrick, 2018 – McGlashan H., Fitzpatrick K. ‘I use any pronouns, and I’m questioning everything else’: Transgender youth and the issue of gender pronouns. *Sex Education*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 239–252.

Spender, 1980 – Spender D. Man made language. Routledge & Kegan Paul, 2013.

Sudo, 2007 – Sudo J. Teaching new tendencies in gender usage in modern English. *ELT Journal*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 12–19.

Статья поступила в редакцию 14.12.2022
The article was received on 14.12.2022

Сведения об авторе / About the author

Щедромирская Анна Игоревна – преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Anna I. Shchedromirskaja – lecturer at the Department of Theory of Teaching Foreign Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7097-6856>

E-mail: annakolushkina@gmail.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2023.1

Сайт журнала: rhema-journal.com
E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.03.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 7,125 п. л. Тираж 1000 экз.